

63.3(2P35)
759

ГОДЫ И ЛЮДИ

65739-1

63.3

159

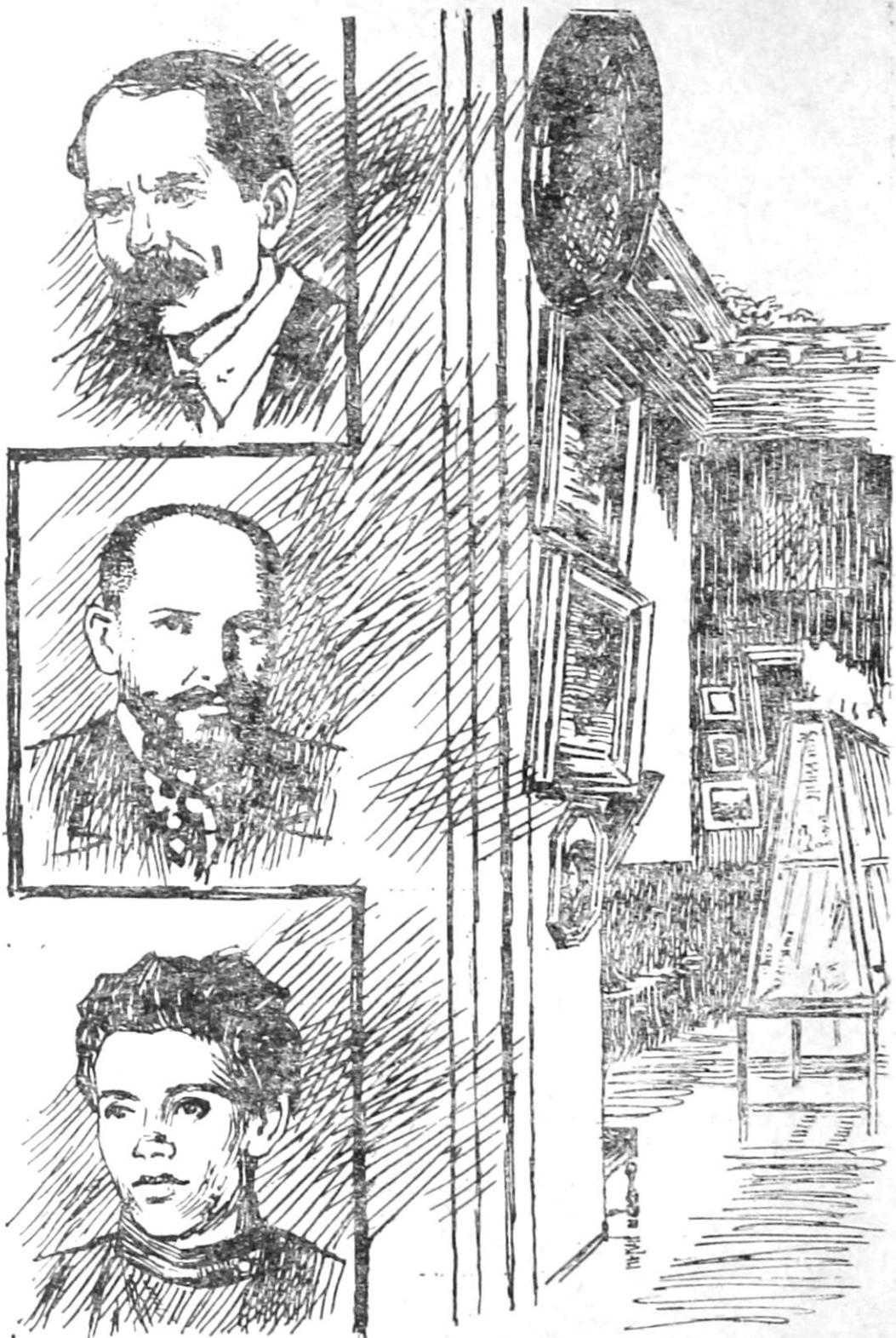
Точка и много

Саратов, 1992.

Коллекция

6

55 "КР"

Рудознавец
Сребраков

Четыре
слова
на монете

«Где циркуль
водчого,
палитра
и резец...»

Культовая
резьба
саратовского
края

Из рода
Рылеевых

«На месте
противу
Соборной
площади»

«За не проявление
раскаяния»

Воздвигнут
во славу...

Первый
скульптор

Исследова-
тели на-
родных
движений

«Чтобы
начатое
дело
не заглохло...»

«Беспокойный,
пытливый
гений...»

Кресло № 5

Французы
в Саратове

Некролог
в «Искре»

«Меня
здесь
полюбили»

«Неистовый
Богдан»

«Синяя
птица»
1918 года

Ригорист
из пригородной
слободки

«... На краю
саратовского
света»

Мать и сын,
или Музыка
математических
открытий

Листая
отцовский
дневник

Дом родной —
«Красный
городок»

ЧИТАЛЬНИЦА И ЗАЛ
«С душой
поэт
судьбы
солдата»

03

02

65739-1

Балаковская
городская центр. библиотечная система

ББК 63.3(2Р354)
Г59

Выпуск шестой

Г59 Годы и люди.— Саратов: Приволж. изд-во «Детская книга», 1992. Вып. 6.— 1992.— 240 с.
ISBN 5—8270—0010—8

Сборник документально-художественных очерков о саратовских страницах из жизни выдающихся людей, о малоизвестных, но ярких событиях на летописи Саратова.

Среди героев книги — архитектор Василий Суранов и монахиня Анна Рылеева, писатель, внук А. Н. Радищева — Николай Боголюбов и губернатор Петр Столыпин, краевед, почетный член Саратовской ученой архивной комиссии Богдан Зайковский и писатель, имя которого «возвращено» советской литературе, Георгий Никифоров.

Монеты золотоордынского города Увека, трагическая судьба собора Александра Невского, французы в нашем городе (к истории 1812 года), первый детский театр — эти темы также нашли отражение в книге, рассчитанной на широкие читательские круги.

Г 5002000000—06
Д24(03)—92 без объявл.

ББК 63.3(2Р354)

ISBN 5—8270—0010—8

© Составитель Сергей Эдуардович
Лукин, 1992 г.

Константин Хапилин,

подполковник-инженер, г. Москва

РУДОЗНАТЕЦ СРЕБРАКОВ

В документах Центрального государственного архива древних актов, касающихся истории возникновения и становления металлургической промышленности Поволжья в XVIII веке, имеются сведения о заводчике малыковских железодельных ручных горнов Иване Ивановиче Сребракове.

О малыковском железоплавильном заводе писали современник Сребракова писатель М. Д. Чулков¹ и русский путешественник, академик И. И. Лепехин в 1769 году². Сведения об Иване Сребракове (Серебрякове) имеются в автобиографических «Записках» Г. Р. Державина³. В наше время о малыковском заводе писал профессор П. Г. Любомиров⁴.

И. И. Сребраков был человеком интересной, сложной, трагической судьбы. Во второй половине XVIII столетия Иван Иванович получил разрешение правительства на строительство железоплавильных печей в Малыковской волости. Но претворить в жизнь намеченные планы помешала ядовитая клевета. Сребраков оказался в остроге. Следствие по его делу тянулось до самой смерти обвиняемого.

19 августа 1757 года в Московскую берг-контору поступила из села Малыковки (теперь город Вольск) на анализ железная руда. В журнале берг-конторы в тот же день по поводу полученных образцов руды была сделана соответствующая запись: «Отыскано в Симбирском уезде с нагорной стороны в берегу Волги слугой Ставропигиального Новоспасского монастыря Иваном Ивановым, сыном Сребраковым»⁵.

Никаких данных о наличии месторождений железной руды в Среднем Поволжье берг-контора не имела. Сребраков был первым, кто сообщал о найденной здесь руде: кровавик-камне и гроздевом кровавике.

Позднее будет установлено, что присланная им на пробу

железная руда представляла собой смесь бурого железняка со сферосидеритами и имела высокое процентное содержание железа. Сребракову удалось найти выходы пропластков этой руды на поверхность.

Ободренный успехами в поисках руды, он твердо решил действовать согласно «берг-привилегии». Так назывался указ Петра I, подписанный 10 декабря 1719 года. В сущности, этим указом учреждалась в России горная администрация — «берг-коллегия для ведения в оной дел о рудах и минералах». Сребракову был хорошо известен многообещающий первый параграф этого указа: «Соизволяется всем и каждому дается воля во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы»⁶.

Цель указа была ясна: чтобы «божья благодать под землей втуне не оставалась». Главное — найти руду, а потом все просто: отправляй образцы в берг-коллегию для пробы и проси у нее разрешения на строительство железоплавильного завода. «Берг-коллегия имеет по оному доношению не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, каким образом с тою рудою и минералами наилучше поступить и в доброе и неубыточное состояние произвести». Так определялись указом обязанности самой коллегии.

В указе особо подчеркивалось, что возведение заводов — дело исключительно важное и благородное. «Строением оных земля обогатет и процветет... Пустынные и бесплодные места многолюдством населятся». Эти слова воодушевляли Сребракова. Ему казалось, что он сможет ускорить развитие своего края. И не хотелось думать о трудностях, которые ожидают, о том, что отдельные положения указа вызывают сомнение. Впрочем, и сам Петр I понимал, что «копать и плавить» на чужих землях будет совсем не просто. Недаром он внес в указ строгое предупреждение: «Тем, кто мешать будет, объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь». Но это строгое предупреждение практически никогда не выполнялось.

В 1722 году в Москве была учреждена берг-контора, которой передавалась часть функций берг-коллегии. Ей поручалось наблюдение за частными заводами, расположенными восточнее Москвы.

С берг-конторой и пришлось иметь дела Ивану Ивановичу Сребракову. Архивные документы о «горной администрации» раскрывают нам одну из малоизвестных страниц истории металлургической промышленности Поволжья.

Сребраков был безмерно рад: он знал уже несколько месторождений руды. Но главное впереди — надо организовать возведение горнов. Своими силами тут уж не обойтись...

Иван Иванович с молодой женой Настасьей Александровной проживал в селе Малыковке (до 1780 года Симбирского уезда Казанской губернии). На территории Малыковской волости находилась вотчина Новоспасского монастыря. Монастырю принадлежали «рыбные ловли» и обширные земли по правому и левому берегу Волги. Здесь жили его крепостные крестьяне. Сам монастырь находился в Москве, на Таганке, но он имел «в оном селе Малыковке двор монастырский, в нем хорошие строения, горницу белую».

Монастырские крестьяне «жительство имели в Малыковке обще с дворцовыми крестьянами». Согласно переписи населения в 1764 году, получившей название «3-я ревизия», в Малыковке насчитывалось 1760 душ крестьян (лиц мужского пола), из которых монастырских было 490, дворцовых крестьян — 1270 душ.

Новоспасскому монастырю принадлежали здесь и другие слободы и села. Так, монастырским значилось село Терса, расположенное на Волге, в 7 верстах от Малыковки.

В 1764 году монастырские владения по указу Екатерины II были окончательно ликвидированы. Монастырские крестьяне приписывались к ведомству коллегии экономии и стали называться экономическими крестьянами.

Монастырские слуги, к которым принадлежала семья Ивана Сребракова, к крепостным крестьянам не причислялись. Слуги обычно работали в монастырях по вольному найму в качестве делопроизводителей, канцеляристов, приказчиков, подьячих и т. п., за что получали от монастыря хлебное и денежное довольствие. Другие родственники Ивана значились дворцовыми крестьянами. Согласно переписи населения 1764 года в Малыковке жили братья Ивана: Еким — 47 лет, Василий — 29 лет, Петр — 19 лет. Брат Федор (45 лет) работал земским в соседней волости того же Симбирского уезда.

Иван выделялся незаурядными способностями, оригинальным мышлением, умением расположить к себе с первого знакомства. Краткую, но точную характеристику дал ему генерал-аншеф А. И. Бибииков: «Сребраков примечен мною как человек с рассудком»⁷.

Приняв решение заняться выплавкой железа, Сребраков взял к себе в компаньоны племянника Михаила, сына Федора. В челобитной на имя императрицы Елизаветы Петровны

Сребраков просил дать ему с племянником «разрешение» на построение «на первый случай ручных сыродутных печей» для выплавки железа.

В челобитной перечислены места, где в «прошлом, 1756 году им, Сребраковым, были отысканы месторождения железной руды»: «против пригородка Кашпира в косогоре» (ниже Сызрани), «в дачах московского Чудова монастыря села Сосновый Остров» (окрестности Хвалынска), «в дачах Новоспасского монастыря сел Терсы и Малыковки» (район Вольска), «в горе Девушкиной» (Девичьи горы), «около Сулягина ключа и ниже» (территория города Вольска) ⁵.

Как выяснилось впоследствии, Сребракову были также известны месторождения железной руды в Пензенском уезде, о которых он умолчал в своей первой челобитной. Именно там Сребраков намеревался развернуть вторую очередь строительства железоплавильных заводов.

В Вольском городском архиве хранятся материалы по результатам разведки полезных ископаемых, проведенных краевым институтом в 1930-е годы. Они свидетельствуют, что в окрестностях села Девичьи Горки и в береговой полосе от Балакова до Вольска «залегают железисто-глинистые секторы и глыбы кремнеземистых бурых железняков. Запасы их в с. Девичьи Горки довольно значительны... Также встречается в Вольском районе железный колчедан... В районе (завода) Коммунар — конкреции в 3, 5, 6 и 10 мм в диаметре обильно покрывают дымчатые глины неокома...».

Предположения И. Сребракова о рудных месторождениях края, высказанные за два столетия до этого, оказались полностью подтвержденными! Кроме того, территория, разведанная Сребраковым, во много раз превосходила площадь, обследованную институтом.

Очевидно, Иван Иванович Сребраков знал приметы, по которым безошибочно определял месторождения железной руды.

В 1760 году Российской Академией наук впервые были опубликованы рекомендации по способам нахождения руды, вышла в свет книга И. И. Шлаттера «Обстоятельные наставления по рудному делу». Бывший руководитель берг-коллегии Шлаттер не только перечислил признаки, свидетельствующие о залежах руды в земле, но и описал методы искусственного определения рудных месторождений, например, «ореховой лозы с надрезом по развилке»: «Рудокоп вдоль и поперек горы идет с лозою, которую покрепче в руках держать должен, и примечать те места, где лоза в руках вверх

поднимается, а верхний конец ее вниз склоняется. В таком месте должно быть рудной жиле».

Эта книга вышла три года спустя после оформления заявки на разведанные месторождения руды И. И. Сребраковым.

На другой день после передачи руды Сребраковым в берг-контору к ее анализу приступил «пробирный ученик» Федор Чернавин. Через неделю он написал рапорт: «В сказанной лаборатории мною руда опробована по горному искусству, и по пробе оказалось из тех руд чугуна 58 фунтов» (из 100) ⁹.

В сентябре 1757 года результаты анализа были отправлены в сенат. В донесении берг-конторы говорилось, что «проба руде учинялась, но о даче Ивану Сребракову с его племянником Михайлой разрешения на построение на первый случай сыродутных печей, по оному решению не учинялось». Вызывали сомнения финансовые возможности заявителей.

Разрешение оформила берг-коллегия: 28 января 1758 года Сребраковым велено было построить в Малыковской волости пять ручных железных горнов; через два года Сребраковым надлежало приступить к строительству железоплавильных заводов.

Известно, что железо плавится при температуре 1350 градусов по Цельсию. Как добиться столь высокой температуры? В распоряжении металлурга были лишь ручные мехи горнов, с их помощью раздувался древесный уголь, на котором слоями укладывалась железная руда. При этом готовность плавки определялась обыкновенным ломом на ощупь, по усилию прохождения лома через раскаленную руду. Когда металлург убеждался таким образом в готовности плавки, выламывалась передняя стенка горна и извлекалась крица — продукт плавки с пода печи.

Крица еще не могла использоваться по назначению. Она шла в кузницу на дальнейшую обработку. Здесь крица подвергалась ковке, обстукиванию молотами, масса ее уплотнялась, из нее выбивался шлак. В итоге получалось «кричное железо», или по современным понятиям — низкосортная сталь.

Судя по докладу Сребраковых, строительство малыковских плавильных горнов ими было завершено в короткий срок. В журнале учета ручных горнов и минеральных заводов Замосковья на начало 60-х годов XVIII столетия среди десятка заводчиков, владельцев ручных горнов, значится хо-

зайство Сребраковых. В графе «Звания заводосодержателей и их заводов» значится: «Спаса Нового монастыря служителей Ивана и Михайлы Сребраковых. «Звание заводов» и точное местонахождение горнов не указано.

В последующей графе «Каким заводчикам льготы даны, по силе каких указов» записано: «В 1758 году генваря 28 дня по определению Берг-коллегии велено Сребраковым ручные железные горны построить в два года, а потом — ручные железные заводы».

«Сколько на данных заводах мастеровых работных людей, тако же крестьян приписных имеетца, колич. душ» — прочерк и примечание: «Собственных и приписных крестьян не имеется, обыватели вольнонаемные».

«Сколько на оном заводе сего делается в год» — «кричное железо 555 пудов в год».

Объем производства на малыковских ручных горнах был не велик. По-видимому, в это время Сребраковы заняты строительством заводов в Пензенском уезде. Разрешение на строительство заводов они получили спустя 8 месяцев после получения указа на строительство горнов в Малыковской волости.

Чем же прельстило Сребраковых отысканное местечко в Пензенском уезде, отстоящее от Малыковки на сотню верст? Возможно, тем, что руда здесь оказалась более выгодной и были необозримые пространства дубового леса. Неподалеку находилось село Труево, которое недаром в 1780 году переименовано в город Кузнецк. Там находилось «полно кузнецов», которые могли быть постоянными потребителями производимого железа. В лесных пещерах жили беглые раскольники, их можно было использовать в качестве рабочей силы.

При строительстве заводов особо остро стояла проблема рабочей силы. Как следует из журнала учета горнов, Сребраков должен был искать себе «вольнонаемных обывателей». Местным помещикам скоро стало известно, что в округе появился человек, который ищет себе работников. Вскоре они узнали, что он имеет разрешение берг-коллегии на строительство заводов, и не в шутку забеспокоились: чтобы мужик богатство имел, а мы, дворяне, худели! — от неприятного соседства надо избавляться.

И в ход была пущена клевета: якобы Иван Сребраков подбивал крепостных к побегу на реку Иргиз.

29 января Петр III направил на рассмотрение сената указ о разрешении раскольникам, бежавшим за границу, возвра-

тяться в Россию, «ибо те раскольники, бегая за границу... множественным числом проживают бесполезно».

В декабре 1762 года по тому же вопросу вышли два екатерининских указа. 4 декабря был подписан манифест, в котором раскольникам было предложено, «поселясь в России, пожить спокойно и в благоденствии в пользу свою и всего общества». Затем последовал сенатский указ, подписанный 14 декабря. В нем раскольникам отводились конкретные места для поселения. Среди прочих мест были указаны левые притоки Волги; «при речке Иргизе сенокосу 5418 десятин, лесу 2575 десятин; при речке Малый Иргиз — сенокосу 731 десятина, лесу 712».

Популярность Иргиза продолжала расти, он становился центром старообрядчества России. «Он имел в умах раскольников такой же вес, как у православных священный город Киев»¹⁰. Раскольники приписывались здесь к числу дворянских крестьян.

Многие крепостные крестьяне воспользовались объявленными указами, бежали в Польшу и оттуда возвращались с новыми паспортами, под видом раскольников. Согласно указу, на Иргизе они получали льготы «от всех податей» на 6 лет.

Кто же донес на Сребракова? Формально доносчиком значился ассессор Лихарев, проводивший в марте 1764 года по велению сената перепись переселившихся на Иргиз беглых людей. В донесении Лихарева говорилось, что «по рекам Большому и Малому Иргизам наперед того жительства никакого не было, и только жили под образами раскольников несколько человек, из которых и на разбой явились. А большее поселение произошло чрез вымосл Ивана Сребракова»¹¹.

Ассессор Лихарев писал свое донесение без учета действующих указов 1762 года, а исключительно по наущению местных помещиков. Возможно, Лихарев и не знал этих указов, как не знал он документов берг-коллегии. «Наперед того был Спаса Нового монастыря слушка. А для худых его дел, желая от того монастыря отбыть, выпросил от берг-коллегии привилегии о заведении железоделательного завода. Но того завода не только чтоб в действие произвел, но и совсем его не имеет. И, пользуясь той привилегией, оный Сребраков собою и через посланных разгласил, якобы имеет он дозволение принимать и селить по тем рекам Иргизам всякого звания людей. По которому разглашению из разных мест множественное число на те реки учинили побегии разного звания, а более от помещиков...».

То, что Сребраков не был крепостным и проблемы «отбыть от монастыря» для него не существовало, во внимание не принималось. Лихарев обвинял Ивана Сребракова в том, что тот якобы распространял среди крестьян слухи о новых поселениях на Иргизе. Обвинение это оказалось весьма серьезным.

Примечательно, что сенат по донесению Лихарева не усмотрел криминала в действиях Сребракова и считал необходимым лишь «наикрепчайшим образом подтвердить воспрещение своевольного побегу к поселению по Иргизам». Но Екатерина II, не придав особого значения предложениям сената, не оставила без внимания донесения асессора Лихарева и объявила «конфирмацию об исследованиях учиненных Сребраковым предерзостей и непорядков в разглашении о поселениях по рекам Большому и Малому Иргизам разного звания беглых людей». После этого сенат приказал юстиц-коллегии провести расследование «преступлений» Ивана Сребракова.

Рудознатец Сребраков оказался в остроге при московской розыскной экспедиции, которая размещалась в Москве, у Калужских ворот, вблизи от Земляного вала.

Ивану учинялись допросы, на которых он полностью отрицал свою вину. Затем следовали «допросы с пристрастием» — с применением плетей и батога.

Так прошли 1764 год, 1765-й. В начале 1766-го Сребраков неожиданно получил однодневный отпуск, для встречи с земляком, Сергеем Тимофеевичем Максимовым. Когда-то Сребраков намеревался взять его в долю. Дело в том, что в 1762 году лицам податного сословия было запрещено покупать крепостных крестьян. Максимов же, как дворянин, мог купить крестьян на свое имя для использования в качестве рабочей силы на заводах Сребракова.

Подпоручик в отставке Максимов был бедным дворянином. В 1754 году он проиграл свое имение — село Новиковку Саратовского уезда, доставшееся ему в наследство от деда по материнской линии. В Москве он жил у своего двоюродного брата Ивана Яковлевича Блудова, в доме которого собирались любители карточной игры.

Сергею Тимофеевичу Максиму не составляло особого труда оформить увольнительную Сребракову. По существующему положению арестованных разрешалось брать на поруки. В Москве же Максимов имел «великое знакомство» среди сенатских чиновников. От них ему стало известно, что берг-коллегия собирается лишить Ивана Сребракова права на

владение заводами, так как он находился под следствием, а его компаньон Михаил Сребраков самоустранился от дел. Максимов решил обсудить с Сребраковым проблему, как сохранить железоплавильные заводы.

— ...Тебе надо ехать в Малыковку,— подвел итог беседе Максимов.

— Как ехать? — удивился Иван Иванович, покосившись на свою арестантскую робу.

— Бежать из острога. Мы это еще обсудим.

— А что потом?..

— Там видно будет.

11 апреля 1766 года, когда теплые солнечные лучи согнали весь снег с полей, Иван Сребраков совершил побег из острога московской розыскной экспедиции. Но выполнить намеченное он не успел. Берг-контора до появления Сребракова провела проверку состояния производства на его железоплавильных заводах...

В то же время в селе Терсе Малыковской волости появился первый помещик. Им стал подпоручик Сергей Тимофеевич Максимов, экономический казначей Малыковки. Действуя согласно намеченному плану, он купил себе сотню душ из числа экономических крестьян села Терсы. Однако использовать их для работы на малыковских горнах Ивана Сребракова, по-видимому, не удалось. Впоследствии село Терса достанется графине Ливен — за ее усердие в воспитании внука Екатерины II, будущего царя Николая I.

Иван Сребраков в течение трех лет скрывался от правосудия, но был пойман и возвращен в тот же острог московской розыскной экспедиции, в котором он содержался ранее.

К моменту ареста Ивана Сребракова за ним числились построенными, по сведениям берг-конторы, не только ручные горны в Малыковской волости, но и железоплавильные заводы в Пензенском уезде. В «Ведомости учиненных в берг-конторе ручных железных заводов, на содержание которых взяты в берг-конторе десятины» по состоянию на 1764 год значились заводы Сребраковых «в Пензенском уезде, село Никольское, Чирково, да еще в новокрещеной мордовской деревне Лопаевской даче, в дуброве». Против этой записи в ведомости стояло примечание: «Те заводы находятся ли в действии, от них, Сребраковых рапортов по присылке не имеется»¹².

По свидетельству старожилов, в указанных местах была глухие леса. Село Никольское (Чирково) находилось на речке Кадоде, по старой дороге из Хвалынска в Кузнецк, в 85

верстах от Хвалынска. Деревня Лопаяевка была неподалеку, на речке Бакарлей.

По определению берг-конторы в Симбирскую и Пензенскую провинциальные канцелярии были посланы указы и «веле-но тем канцеляриям освидетельствовать, находятся ли в действии построенные в Симбирском уезде дворцовой Малыковской волости, да в Пензенском уезде села Никольское, Чирково, а также в дачах деревни Лопаяевки, в дуброве, железные заводы Сребраковых. А ежели те заводы находятся без действия, то данные им, Сребраковым о построении тех заводов указы у них, Сребраковым, взяв, прислать при репорте в Берг-контору вскорости»¹³.

2 октября 1765 года Пензенская провинциальная канцелярия докладывала берг-конторе об итогах выполнения полученного задания: «Тех жительство обыватели показали, что те заводы в дачах их как наперед сего не было, так и ныне нет».

Однако, как следует из рапорта, провинциальная канцелярия вместо села «Никольского, Чирково тож» поиск заводов проводила в селе Николино Чиково...

В журнале берг-конторы есть запись о поступлении рапорта из Пензы с припиской: «А по справке в берг-конторе означенным Новоспасского монастыря служителям Сребраковым сверх вышеописанных [заводов в Пензенском уезде] еще дозволено было построить в Симбирском уезде [Малыковской волости] пять ручных железных горнов, о чем даны им в 1758 году по берг-коллегии указы, которые, как из полученного от них, Сребраковых, в том же году репорте, значились, хотя и построенными, но недействующим состоянии находятся, в ведомости они в берг-конторе в прибыли не имеются, почему отправлено было известие в Симбирскую канцелярию и послан указ, но по оному репортов еще не получено»¹⁴.

Рапорт Симбирской провинциальной канцелярии поступил в берг-контору 14 марта 1766 года, за месяц до побега И. И. Сребракова из тюрьмы.

Обследование ручных горнов в Малыковской волости было поручено каптенармусу Королеву. Из Симбирска в Малыковку он выехал в первых числах ноября 1765 года и пробыл здесь три месяца. 10 февраля Королев, возвратясь в Симбирск, отрапортовал по результатам обследования. Ему не удалось найти людей, кто мог бы рассказать и показать, где находились ручные горны Сребраковых. Главное, что удалось выяснить каптенармусу Королеву,— это то, где находит-

ся Иван Сребраков. Об этом сообщил Королеву брат Ивана — Федор, земский Симбирского уезда. Оказывается, что Сребраков находится в Москве по делу пятого департамента правительствующего сената.

Разумеется, для берг-коллегии не было секретом, что Иван Сребраков находился под арестом в московской розыскной экспедиции, но 11 апреля 1766 года он бежал из-под караула. В Малыковке его ожидало полное разорение. Как свидетельствовал академик И. И. Лепехин, Сребраков лишился даже дома.

Через год после второго ареста, осенью 1770 года, Иван Сребраков был освобожден на поруки по ходатайству С. Т. Максимова. В этой связи в Московскую розыскную экспедицию поступило указание юстиц-коллегии: «С 4 ноября 1770 года оного Сребракова за болезнью для особорования маслом на надежные поруки из-под караула освободить»¹⁵. В указе юстиц-коллегии фамилия поручителя была опущена.

Летом 1773 года Сергей Тимофеевич Максимов, экономический казначей Малыковской волости, получил указание губернатора фон Брандта «принять все меры к поимке утекльца» Пугачева, бежавшего из-под стражи в Казани. Одновременно Максиму и дворцовому управителю Малыковки Познякову, предписывалось «обратить особое внимание на Иргизские поселения». Именно в этих местах находился Пугачев до его ареста в январе 1773 года.

Ни в Малыковке, ни на Иргизе Пугачева найти не удалось. Поиски его продолжались. Приказание «отыскать Пугачева» получили все провинциальные канцелярии, находившиеся в подчинении у казанского губернатора.

В сентябре 1773 года, когда Брандт ждал донесений о результатах выполнения своего приказа, в Казань пришло сообщение, что Пугачев во главе восставших казаков и крестьян, объявив себя императором Петром III, занимает на Яике одну крепость за другой. Вскоре Брандт получил предупреждение оренбургского губернатора Рейндорпа, что Пугачев, по всей вероятности, собирается идти на Казань¹⁶.

Брандт подготовил донесение в сенат о том, что «оборону города против воровского нападения делать нечем»¹⁷.

В январе 1774 года подпоручик Г. Р. Державин находился в Самаре, где проводил следствие против участников Пугачевского восстания. Сюда ему и прислал письмо Максимов с приглашением приехать в Малыковку. «Долго ли в Самаре пробудете? — спрашивал Максимов. — Не можно ли в Малыковку пожаловать? Если же попридержитесь в Самаре,

то может быть я к вам побываю повидаться?»¹⁸ Так Максимов намекал Державину о необходимости срочной встречи с ним. Время поджимало Сергея Максимова, обстоятельства заставляли действовать активно...

За последнее время жизнь Максимова резко изменилась. Он был освобожден от должности экономического казначея, прослыл за человека, склонного к разгульной жизни и карточной игре. «На меня в Москве гnevаются, а в Казани — бесятя», — писал Максимов Державину.

Их встреча состоялась.

— ...А помнишь, братец, когда жили мы у Ивана Блудова в Москве, то хаживал ко мне Иван Сребраков, мой земляк из Малыковки, — говорил Максимов. — Он содержался тогда в Сыском приказе, а арестован был по поводу поданного им проекта императору Петру III о поселении раскольников из Польши на местах пустопорожних по реке Иргизу. Но принимали он и приставленное к нему начальство не польских выходцев — господских людей и давали им для поселения по Иргизу билеты.

Державин запомнил Сребракова, писал о нем в автобиографических записках, изменив лишь фамилию: Серебряков. Версию о причинах ареста и содержания Сребракова в Московской розыскной экспедиции (Сыском приказе) Державин изложил так, как сообщил Максимов, хотя это и не подтверждают документы.

— ...Но ты, братец, не ведаешь, какая приключилась с ним история в Москве. Это было после твоего отъезда в Петербург, осенью 1770 года. В Сыском приказе, в одном покое со Сребраковым, оказался запорожский атаман Черняй, который вместе с Железняком разграбил польские украинны и разорил турецкую слободу Балту, отчего и началась война с Турцией...

Рассказал Черняй Сребракову о награбленном его артелью богатстве, о ямах, наполненных серебряной посудой, о пушках, набитых жемчугом и червонцами. Сребраков сообщил об этом мне и прельстил меня своими рассказами. И вознамерились мы тогда воспользоваться таким богатством. Согласится ли этот Черняй поделиться своими богатствами, если мы устроим ему побег из тюрьмы? — спросил я тогда Ивана. Он согласен, ответил мне Иван. Казалось, богатство само шло в руки. Надо было действовать. А так как мне нельзя было обойтись без сообщников сильнейших, чтобы привести в действие сие предприятие, то и пригласил я к этому делу довольно значащих чиновных людей из господ

сенатских и прочих благородных людей, своих приятелей, через коих можно было бы высвободить Черняя и Сребракова из тюрьмы.

Черняя отпустили из тюрьмы для уплаты «долга» и одновременно для посещения городской бани. И когда он шел под надзором одного солдата, то на Царицынской площади был отбит «незнаемыми людьми». Сребраков же был отпущен под мое поручительство. Ну, а далее история старая, как мир. Клады найти не удалось, а Черняй исчез...

Сребраков в острог не вернулся — числится в бегах. Как бы не раскрылась вся эта история... не Черняй ли стал Пугачевым?..

Надо заслужить прощение, помогай, брат! — закончил Максимов.

Кто же такой Черняй, с которым судьба столкнула Сребракова и из-за которого якобы началась русско-турецкая война? Кстати, те же слова произносит главная героиня комедии Г. Р. Державина «Дурочка умнее умных» Лукерья. По воле автора в этой комедии среди действующих лиц — есаул Черняй и атаман Максим Железняк.

Максим Железняк — личность историческая. Он, как известно, возглавлял Колиивщину, крупнейшее восстание крестьян и казаков в Правобережной Украине в 1768 году против польской шляхты, крепостничества, национального гнета, религиозных преследований.

В то время, когда лагерь восставших находился под Уманью, Железняк направил отряд гайдамаков в 200 человек под командованием сотника Василия Шило на Южный Буг, в район слободы Балты, чтобы не допустить соединения отряда крымского хана с польской шляхтой. В Балте произошло столкновение гайдамаков с крымцами в то время, когда гайдамаки предприняли вылазку в слободу, чтобы наказать там казаков-изменников, переметнувшихся к туркам. Это послужило туркам поводом к объявлению войны России.

Восстание Колиивщины было подавлено с помощью царских войск. Черняй (он же, по-видимому, Василий Шило) осужден на каторгу. В Москве он оказался не случайно: розыскная экспедиция была пересыльным пунктом.

Максимов фактически стал организатором побега из тюрьмы каторжанина Черняя и подследственного Сребракова. Но он видел возможность избежать неприятностей: получить от генерал-аншефа А. И. Бибикова задание на поимку Пугачева. Появление Пугачева на Иргизе или в Малыковке весь-

ма вероятно. Нужно показать свое усердие, чтобы заслужить прощение. Поскольку Державин вхож к генералу, он сможет замолвить словечко и представить его, Максимова, или Сребракова.

Державин с предложением Максимова согласился. Он знал, что это ему зачтется как разумная инициатива.

В ночь на 5 марта 1774 года генерал-аншеф Бибииков принял И. И. Сребракова по его просьбе. О чем мог рассказать крестьянский сын генералу? Разумеется, сообщение Сребракова было тщательно «срелетировано» Державиным и Максимовым.

Сребраков мог рассказать Бибиикову о старообрядческих монастырях на Иргизе, где бывал Пугачев, каждый из которых имел по два-три названия. В трех лицах выступал и их основатель Филарет, с которым был тесно связан Пугачев: он настоятель монастыря, и простой инок, и старец. Филарет «умирал» и вновь воскресал.

Сребраков не знал, что Филарет, недавно арестованный в Сызрани, находился в казанской тюрьме. Бибиикову было известно, что на допросе месяц назад Филарет подтвердил, что Пугачев действительно ночевал в его келье две ночи, но теперь он почитает Пугачева за злодея.

Предложение Сребракова расставить сети Пугачеву с помощью Филарета показалось Бибиикову весьма заманчивым. На следующий день он скажет Державину:

— Эта птица залетная говорит много дельного. Но так как ты его представил, то и должен с ним возиться. А Максиму — я не поверю.

Сребраков возвращался в Малыковку. Назначение в команду Державина смотрителем поможет, размышлял он, заслужить прощение, снять все ложные обвинения, которые приписывались ему в Сыскном приказе. И тогда, Бог даст, он снова станет свободным и закончит строительство железоплавильных горнов. Казалось, что полоса неудач закончилась.

6 марта 1774 года Г. Р. Державин получил секретное предписание об организации слежки за Пугачевым в Заволжье, «по рекам Иргизам и Узеням». В тот же день он выехал в Малыковку. Для сокрытия истинной цели было объявлено: Державин назначен в Саратов — подрывать провиант для гусар, которые проследуют из Астрахани. Для ведения переписки Бибииков выдал Державину цифровой шифр, где фамилия «Пугачев» была зашифрована трехзначным числом «225»¹⁹.

Санний путь от Казани до Малыковки продолжался четыре дня. По прибытии в Малыковку Г. Р. Державин отдал распоряжение своим лазутчикам Ивану Сребракову и Трофиму Герасимову: постоянно находиться на реках Иргизах и Узнях и сообщать о появлении подозрительных людей. Сам же Державин добивался уместных и губернских властей выделения сил и средств на «поимку». Новый главнокомандующий граф П. И. Панин даже заподозрил Державина в измене и грозился его повесить вместе с Пугачевым. Свои претензии к Державину Панин высказал в письме: «Преступали Вы пределы власти Вам порученной, вступали в чужие и Вам не принадлежащие должности, наставляли и предосуждали людей, имеющих чины выше Вашего»²⁰.

Как только И. Сребраков начал действовать открыто и у него отпала необходимость скрываться от начальства, по его делу развернулась бурная переписка. Она продолжалась весь 1774 год и росла как снежный ком. К концу года к переписке оказался причастен правительствующий сенат, а затем и главнокомандующий войсками П. И. Панин.

Спустя десять лет после первого ареста Сребракова и восемь лет после проведенных берг-коллегией обследований заводов, в переписке Сребракова именовали по-прежнему «малыковским железных ручных горнов заводчиком и слугой ведомств коллегии экономии».

Переписку начала Симбирская провинциальная канцелярия, которой было известно, что Сребраков находится на территории Малыковской волости. Свое письмо канцелярия направила вновь назначенному экономическому казначею Малыковки поручику Тишину.

Тишин ответил, что сама же канцелярия дала ему предписание «Серебрякова числить по надобности в составе комиссии, а если потребуется, то и рапортовать о нем, что он находится в составе комиссии его превосходительства А. И. Бибикова»²¹. Из письма Тишина следовало, что по делу Сребракова надлежит обратиться в Казанскую секретную комиссию. Что и было сделано, но уже от имени юстиц-коллегии. К этому времени А. И. Бибикова уже не было в живых. Казанская секретная комиссия вынуждена была направить запрос Г. Р. Державину, в распоряжении которого находился подследственный.

Державин сообщил, что «Серебряков и дворцовый крестьянин Т. Герасимов подали покойному Бибикову свое мнение о поимке Пугачева. Бибиков довольно долгое время сие мнение рассматривал и, разобрав обстоятельно, нашел его за нуж-

ное. А чтоб лучше и вернее происходило к тому течение дел надлежащее, мне поручил оную комиссию... Что ж Серебряков требуется в Юстицию, о том высокопревосходительство покойный генерал-аншеф Бибииков знал».

Не касаясь вопроса о виновности и невиновности Сребракова, Державин на основное положение секретной комиссии о неисполненном указании Екатерины II сослался на другое указание царицы, которое было сделано позднее: «По высочайшему ее императорского величества указу план дел покойного Александра Ивановича [Бибиикова] переменять не велено... А мне без Серебрякова и Герасимова быть не можно. О чем к секретной комиссии и рапортую. Гавриил Державин. 11.7.1774 г.»²².

Державин не защитил Сребракова, а лишь отсрочил судебное разбирательство. И все же Гавриил Романович поставил в трудное положение юстиц-коллегию: Екатерина II грозила разогнать ее за большие «затяжки» в расследовании дел. Юстиц-коллегия обратилась за помощью в сенат. В течение десяти лет Сребраков уходит от наказания, и юстиц-коллегия объясняла причину этого: «Оное следствие затянулось за неприсылкою из разных губерний, присутственных мест подлежащих, по заперательству его, Сребракова, и по присылке к тому следствию ссылок». Сенат направил указ главнокомандующему П. И. Панину: «Когда до Сребракова надобности состояться не будет, то выслать его, Сребракова за крепким караулом для окончания об нем повеленного следствия в юстиц-коллегию».

Итак, Сребракову предстояла отправка в московский острог «под крепким караулом» в кандалах. Этого не случилось, и лишь потому, что к этому времени Сребракова уже не было в живых...

Активно взявшись за дело, Иван Сребраков скоро убедился в бесполезности данного ему и Герасимову задания.

Со смертью Бибиикова рухнули последние надежды заслужить прощение. «Только была малая стезя оказалась ко отраде, но и оной за умертвением его высокопревосходительства лишился», — жаловался он Державину.

За короткий срок Иван побывал во многих местах, вплоть до Яика, в составе разных команд. Поймать Пугачева не удалось. Надежда на использование Филарета рухнула: он бежал, освобожденный из тюрьмы Пугачевым. И теперь приказано было ловить не только Пугачева, но и Филарета. Од-

нажды Сребраков отправил Державину письмо с Иргиза, полное горечи и печали: «Мне бедному человеку со всех сторон тесно и нигде не можно отыскать полезного... Почему остался бесполезным, лишился последнего пропитания и только раздражил злодеев своих?»²³

Сребраков просит Державина «последнее учинить об нас решение». Просит освободить от должности. Видно, изменились его взгляды... Дважды его брали под стражу как злостного преступника. Но в чем же его преступление? Сколько раз он доказывал, что обвинения в его адрес нелепы. Но его никто не хотел слушать. Дворянин верит дворянину. С кем же он теперь оказался? С карателем Елчиным, у которого скрывается под мундиром артиллерийского капитана душонка шантажиста и вымогателя. Недавно он грозился выпороть монастырских иноков, если они не принесут ему 200 рублей. Согласился на 100...

А как враждебно стал относиться к Сребракову Максимов. Считает его причиной своих неприятностей. Боится наказания. Максимов рассчитывал использовать его для своего обогащения.

Без малого четыре года прошло с тех пор, как судьба свела Сребракова с Черняем. Теперь Ивану стали понятны чувства Черняка. Над друзьями Черняка, доверившимися царским офицерам и преданными ими, жестоко расправились польские паны. Так, Иван Гонта, крестьянский вожак, был приговорен к смертной казни «в течение двух недель». Десять дней с него должны были сдирать кожу, потом четвертовать, вырвать сердце и наконец обезглавить. Над Гонтой «сжалился» палач: обезглавил на третий день.

Такая же судьба, наверное, ждет Пугачева, который пожалел народ, захотел облегчить его участь. Сребраков тоже мечтал облегчить труд крестьян, мечтал, чтоб в каждом селе заработала кузница. Народ пошел за Пугачевым. Значит, народу всего нужнее воля. А он, Сребраков, взялся ловить Пугачева...

О дальнейшей судьбе Сребракова написал Г. Р. Державин: «Когда приближался бунтовщик [Пугачев] к Саратову, послан был от Державина часто упоминавшийся Серебряков в Сызрань к генералу Мансурову с прошением на помощь сему городу, но по дороге за Иргизской степью неизвестными людьми и с сыном его убит, а тем самым и прекратились все требования юстиции, которые... не токмо подпоручику Максиму, но и многим господам сенатским и прочим, наделали было много хлопот»²⁴.

Державин здесь не совсем точен. Он прекрасно знал, кто убил Сребракова и его сына. Проведя расследование, оставил для истории свою версию: убит Сребраков пугачевцами.

Сребраков действительно выполнял последнее поручение, отправившись в Сызрань нарочным с пакетом для Мансурова. Это было в первой декаде августа.

Из текста Державина мы видим, кому была выгодна, более того — необходима смерть Ивана Сребракова. В этом Г. Р. Державин был точен. Обвинять же пугачевцев в том, к чему они не имеют отношения, не стоит. О чем же говорят архивные документы? Среди переписки Г. Р. Державина за август 1774 года обращает на себя внимание небольшое письмо Вильгельми, комиссара немецкой колонии Шафгаузен в Заволжье, ниже Малыковки. Это письмо было отправлено Державину 23 августа из села Алексеевки (теперь поселок Алексеевка Хвалынского района): «Мы со здешними крестьянами поймали 5 воров, которые две недели тому назад убили бедного Серебрякова»²⁵. Письмо позволяет судить о времени и месте гибели Сребраковых. По сочувственному тону письма можно предположить, что Вильгельми был знаком с Иваном Сребраковым. Вильгельми дружил с Максимовым и Державиным.

Как оказался Вильгельми в Алексеевке — за сотню верст от своей колонии? Очевидно, Вильгельми направили сюда Державин и Максимов, уполномочив действовать на чужой территории. Об этом говорят письма Максимова к Державину, написанные в августе того года. Так, 13 августа Максимов спрашивал Державина, находившегося в Сызрани: «Скоро ли будете в Соснове?» Максиму нужно было обсудить обстановку, наметить план действий. Не дождавшись ответа, Максимов 15 августа отправляет другое письмо. В нем он должен был изложить сложившуюся обстановку и согласовать план действий, так как ждать приезда Державина не было времени. В архиве Державина сохранилось письмо от 15 августа, которое написано «несобственной рукой Максимова». По-видимому, оно вложено взамен уничтоженного.

В письме от 17 августа Максимов сообщает Державину: «Получил известие, что от Соснового [речь идет о селе Сосновый Остров, теперь город Хвалынский] в 15 верстах, в одной деревне собралась толпа из тамошних крестьян числом 15 для возмущения, о чем вам обстоятельно перескажет купец Туманов, коего прошу не оставить»...

Купец Назар Туманов, приехавший сюда из Коломны, став подручным Максимова, охотно выполнил роль нарочно-го. Он не только доставил письмо, но рассказал, что убийц Сребракова можно захватить в селе Алексеевке. Здесь, по-видимому, формировался новый пугачевский отряд, каких в Поволжье было множество. В отряде находился слуга Туманова Степан Давыдов, калмык по национальности, ставший осведомителем Максимова.

Державин 22 августа о своем выезде в Сосновый Остров доложил генералу П. М. Голицину: «Положась на волю бо-жию, решил идти в Сосново и там с собранными у управите-ля двумястами мужиками вооруженными буду ожидать из-вестия от Вашего сиятельства»²⁶. Накануне Голицин сооб-щил, что намерен проследовать через Сосновый Остров.

Но обстоятельства изменились. Державин получил от Вильгельми донесение и поспешил на место происшествий.

В Алексеевке Державину представили задержанных. Среди них были три беглых солдата: Иван Григорьев и Мартын Васильев из села Широкого Буерака и Павел Устинов — из Алексеевки. Кроме них — алексеевский крестьянин Степан Васильев и слуга Туманова Степан Давыдов.

Державин проводит суд и расправу над задержанными. «Беглые солдаты винулись в смертоубийстве заштатного Малыковской волости экономического слуги Ивана Серебрякова с сыном его родным Григорием Серебряковым... Назывались сообщниками изверга и бунтовщика Пугачева, именуя его по своему злодейскому обыкновению покойным государем императором Петром Федоровичем, а также [винулись] в жжении огнем в деревне Яблонке новокрещеного мордвина Пчелинцева»²⁷.

Таков, по определению Державина, был состав преступлений задержанных в Алексеевке «сообщников Пугачева». Он приказал казнить в Алексеевке одного из самых дерзких бунтовщиков — Ивана Григорьева, двоих взял с собой в Малыковку для продолжения дознания, Степана Васильева и Степана Давыдова отправил к управителю Палтову в Сосновый Остров, чтобы там было заведено дело на убийц Сребраковых по всем правилам юстиции.

На следующий день, 25 августа, Максимов отправил Державину письмо, с места событий, из Алексеевки, хотя находился в это время совсем в другом месте. Он не ожидал столь быстрого разбирательства и «делопроизводства» со стороны Державина и поэтому опоздал со своим донесением. В письме Максимов излагал ход событий с того момента, как

получил известие о выезде Державина из Сызрани в Сосновый Остров: «Как только собрался ехать по письму Михаила Алексеевича [Палтова], в то [же] самое время получил известие, что вору атакованы, куда без памяти скакал верст с 10...»²⁸.

По всей видимости, он находился в селе Яблонке, где получил письмо от Палтова и донесение Вильгельми о поимке «воров». Максимов пишет: «...оных поймали 5, в том числе Туманова калмык, который показывает, что Сребракова убили досмерти и с сыном. И теперь сыновий кафтан на одном из разбойников, на другом — Туманова армяк. Что завтра, к себе ли прикажешь их привезти [задержанных] или сам сюда будешь?»²⁹

В письме явный намек на порочащее «воров» ограбление. Но Державин не смог воспользоваться этой подсказкой Максимова. Она опоздала. Да и вряд ли он стал бы выдвигать малоубедительные обвинения.

Убийство Сребракова оставалось последним шансом для Максимова избежать суда. И он на свой риск принял решение... Вину за убийство свалил на «сообщников» Пугачева. Им же приписывалось «жжение огнем новокрещеного мордвина Пчелинцева», ограбление купца Туманова и, наконец, ограбление квартир Державина и Максимова в Малыковке. Калмык Давыдов показывает то, что, от него требуется: армяк Туманова и кафтан Григория Сребракова на двоих задержанных, — Максимов поспешил в Малыковку, чтобы убедиться там в факте ограбления квартиры Державина и своей.

Свое письмо Максимов заканчивает следующими словами: «Я бы сам приехал, да артель не пускает». Не исключено, что бедняге пришлось самому возглавить «артель» по ограблению квартиры — своей и Державина.

Максимов со своим письмом попал впросак. Он предлагает выслать задержанных Державину в село Сосновый Остров «завтра», то есть 26 августа, а Державин двумя днями раньше уже завершил это дело и уехал из Алексеевки. Это обстоятельство свидетельствует о причастности Максимова к гибели Сребраковых.

Через пять дней Державин получит письмо от малыковского управляющего Шишковского по поводу ограбления квартир Максимова и его, Державина: «Хищное собирают очень лениво. Сергея Тимофеевича ковра половина и шелка малая часть нашлась у одного форпостного солдата. С купцом Тумановым вчерашним числом вашему благородию отправлено...».

В представлении Туманова его ущерб составлял не менее 20 тысяч рублей. В этой связи генерал Мансуров написал Державину письмо, которое начиналось словами: «Бездельник Туманов вам солгал...». В письме был виден явный подтекст: с кем же вы водитесь?.. После этого Державин окончательно порвал отношения с Сергеем Максимовым. С гибелью Ивана Сребракова Державин освободился от всех связей, которые могли бы его опорочить.

По ходатайству Державина вдова Сребракова Анастасия Александровна получила единовременное пособие 15 рублей за погибших мужа и сына.

В вольском лесничестве есть интересное урочище с прекрасными елями — Серебряков овраг.

Неподалеку, в сельце Поселок, что затерялось между приволжским Широком Буераком и Загорной Апалихой, закончил свой жизненный путь Иван Сребраков.

В «Трудах Саратовской ученой архивной комиссии» за 1913 год написано, что в апалихинском лесу есть болото, вблизи которого попадаетея много кузнечных изгарков, шлаков. «Там есть место с явными следами двенадцати грядок, наподобии огородных, длина грядок сажен по десяти». Возможно, это и были остатки завода Ивана Сребракова, первого металлурга края. Место гибели, остатки завода и овраг Серебрякова — все это рядом.

Евгений Максимов,

доцент Саратовского университета

«ГДЕ ЦИРКУЛЬ ЗОДЧЕГО, ПАЛИТРА И РЕЗЕЦ...»

Имя Василия Ивановича Суранова (1765—1818) вошло в историю архитектуры, в историю Саратова.

Василия, Измайловского полка солдатского сына, пятилетним мальчонкой отдали в воспитанники Академии художеств, где он провел 15 лет. Учился прилежно, проявил склонность к рисованию. В 1785 году был выпущен из стен академии художником с аттестатом 1-й степени, шпагой и самым низшим, 14-го класса, чином коллежского регистратора.

Устроился в контору строений Царского Села (ныне г. Пушкин) «для копирования разных чертежей, планов и прочих архитектурных дел». Его включили в «архитектурную команду» И. В. Неелова, где Василий исполнял обязанность художника и «получал 150 рублей денег, $\frac{3}{4}$ муки».

Илья Васильевич Неелов был известным архитектором периода раннего классицизма. Он возвел флигели к Екатерининскому дворцу: Церковный (по своему проекту) и Зубовский (по проекту Ю. М. Фельтена), разработал чертежи и построил в парке павильоны «Верхняя ванна» (Мыльня их величества) и «Нижняя ванна» (Кавалерийская мыльня), а позднее Баболовский дворец. Весной 1780 года Екатерина II предписывает Неелову вместе со своей «командой» перейти в распоряжение архитектора Чарлза Камерона, прибывшего незадолго перед этим из Англии. Зодчий сумел отстоять свою творческую независимость и уклониться от выполнения высочайшего повеления.

В 1788 году утверждается составленный И. В. Нееловым проект «каменного четырехэтажного флигеля» Екатерининского дворца и начинается строительство. Работы велись «архитектурной командой» Ильи Васильевича, в которую входили архитектурский помощник Белкин, каменных дел мастер Рогачев, художники Суранов и Данилов, лепного дела мастер Макаренко и ученики.

В 1791 году, незадолго до окончания строительства нового флигеля, вся «команда» вместе с младшим братом И. В. Неелова — Петром переводится под руководством Чарлза Камерона, но через несколько месяцев возвращается под начало Ильи Неелова. К этому времени, как видно из рапорта И. В. Неелова в контору строения, новый флигель «всеми принадлежащими до оного работами кроме обойных брусков в совершенное окончание приведен». Со своими товарищами Неелов заканчивает внутреннюю отделку помещений флигеля (в 1811 году он был отдан под открытый Лицей, в который поступил учиться А. С. Пушкин).

В феврале 1794 года вместо умершего брата архитектором становится Петр Васильевич Неелов. В составе его «команды» остались архитектурский помощник Савва Белкин, художник Василий Суранов и пять учеников. Вместе с ними Петр Васильевич заканчивает постройку Александровского дворца по проекту Д. Кваренги. В 1796 году дворец был приведен в состояние, пригодное для жилья, хотя наружные стены были неоштукатурены. Светлое, с двумя рядами белых колонн, двумя боковыми выступами здание

гармонично сочеталось с живописным ландшафтом окружавшего его парка. Однако от выполнения декоративной живописи в помещениях дворца «команда» Неелова была отстранена. Кваренги привлек для этого своих соплеменников — художников-декораторов Джакомо Феррари и Антонио делла Джакома. П. В. Неелову поручили ремонтные работы парковых павильонов и других сооружений. Кроме того, «архитекторская команда» (а Василий Суранов в первую очередь как художник) выполняла «парадные» чертежи для «показных альбомов» императрицы. Эти альбомы получили название «нееловских», один из них, 1796 года, хранится в Государственном Эрмитаже.

Время приезда Василия Ивановича в Саратов неизвестно. Первые саратовские работы относятся к 1802 году, когда он проектирует провиантские магазины, караульню, кирпичные сараи. Исполняет чертежи здания лазарета гарнизонного батальона со службами, делает выкопировку из плана дворового места народного училища и аптеки. Готовит чертежи каменного здания почтовой конторы, под которую незадолго до этого купили большой трехэтажный дом у «господина надворного советника и кавалера Н. В. Есипова, состоящий по Царицынской улице» (ныне Чернышевского). Суранов проектирует на усадьбе почтамта новый флигель. И все это за один год!

К началу XIX века большинство русских городов получило новые генеральные планы. Застройку предписывалось вести при помощи «образцовых чертежей планирования кварталов». Однако на местах эти правила постоянно нарушались. Был издан правительственный указ «О произведении нигде строений без плана». Даже отдельные дома должны были иметь правильные пропорции, строгое, но выразительное оформление, свойственные архитектуре русского классицизма. На места были присланы альбомы с чертежами зданий с «образцовыми фасадами». Большие общественные здания строили зачастую по индивидуальным проектам или переработав и приспособив к местным условиям «образцовые фасады».

Первая крупная работа В. И. Суранова в Саратове — проект здания присутственных мест, где должны были разместиться губернские учреждения. До него представил чертежи архитектор Никифор Телятьев, но в Петербурге не утвердили. Такая же участь постигла и два варианта последующего проекта — губернского архитектора Х. И. Лоссе. Из-за болезни последний не сумел составить смету к своему

третьему проекту, а следовательно, вовремя представить в Петербург, поэтому он утвержден не был. В феврале 1805 года Лоссе скончался.

Губернским архитектором становится В. И. Суранов, к нему же переходит и дальнейшее проектирование здания присутственных мест.

В основу проекта губернский архитектор В. И. Суранов, как в свое время Лоссе, положил «образцовый фасад» присутственных мест, разработанный крупным петербургским архитектором академиком А. Д. Захаровым, но увеличивает объем здания. На главном фасаде ставит шестиколонный портик с фронтоном и парадную лестницу. Стены первого этажа обрабатывает рустовкой. Легкие сандрики и наличники окон оживляют гладь стен. Здание выглядело не только монументальным, но и парадно-дворцовым. В столице проект одобрили. Его сочли «захаровским», только привязанным губернным архитектором к местности. Но на самом деле проект был результатом самостоятельного творчества В. И. Суранова.

Осенью 1807 года здание присутственных мест было построено и стало украшением создаваемой на окраине города новой площади. К сожалению, до наших дней здание не дошло в первоизданном виде. Январским днем 1848 года при 30-градусном морозе, когда вода в пожарных трубах замерзла, каменные присутственные места сгорели. Здание было отделано вновь, но потеряло портик, а при последующих перестройках еще больше изменило свой облик, но все же сохранило черты высокого классицизма.

На образуемой площади, в ее центре, по случаю избавления Саратова от холеры было решено построить новый собор. В. И. Суранов спроектировал пятикупольное здание собора, с одинаковыми фасадами со всех четырех сторон. В августе 1808 года проектные чертежи поступили в строительный комитет Министерства внутренних дел. Здесь проект был отдан на заключение архитектору Луиджи Руску, которого еще в 1783 году пригласил в Петербург известный зодчий Дж. Кваренги. Первоначально Руска работал каменных дел мастером, а позднее — в строительном комитете. Составленный Сурановым план собора Луиджи Руска признал грамотным, но несколько архаичным. И предложил новый, который был отклонен.

Отечественная война 1812 года затормозила решение вопроса о соборном храме в Саратове, и только после ее окончания вновь заговорили о сооружении собора. Но теперь

саратовцы пожелали иметь соборный храм в память прошедшей войны, и особенно саратовских ополченцев. Собор должен был стать местом хранения овеянных славой знамен.

Царь Александр I распорядился, чтобы проект собора для Саратова выполнил В. П. Стасов, один из выдающихся русских зодчих. Постройки Стасова украшали Петербург и другие города.

По устному поручению или собственному желанию Джакомо Кваренги разработал проект храма для Саратова. За основу он взял красивую композицию храма-мавзолея в подмосковном имении Волконских — Суханово. Храм в виде ротонды с портиком из шести дорических колонн охватывает полуциркулярная в плане колоннада, в нишах которой — статуи героев-ополченцев.

Такой проект при обсуждении признается дорогим для Саратова, был принят более простой проект В. П. Стасова: кубической формы храм, украшенный со всех сторон колонными портиками и покрытый невысоким куполом. После утверждения царем стасовский проект был отослан в Саратов. Но к нему не было сметы, которую пришлось составлять В. И. Суранову. Наконец приготовлена «Смета на построение в губернском городе Саратове каменного собора по Высочайше апробированному сего 1814 года августа в 26 день плану. Сколько и каких потребно материалов и что следует заплатить за работы, значит под сим. Учинена декабря 30 дня 1814 года».

Летом 1815 года состоялась закладка собора и начались земляные работы. Весной следующего года работы продолжались, но за закладку стен никто не желал браться. Подрядчики-практики видели недостатки проекта Стасова. Особенно внушали опасения запланированные четыре каменных столба-колонны, которые были тонки и могли не выдержать тяжести массивного каменного купола.

Суранов тоже понимал это и предупреждал: строить собор по петербургскому плану небезопасно. Переделать что-либо в «высочайше утвержденном» плане он не мог. Но изъяны плана были столь очевидны, что местные власти все же решились хлопотать об исправлении соответствующих частей плана, понимая, что ответ будет не скоро, а то и совсем не придет. Строительство собора продолжалось; надеялись, что опасения не оправдаются.

К весне 1822 года собор вчерне был почти отстроен, оставались лишь незначительные работы. 25 апреля в 8 часов утра, когда рабочие сидели недалеко от стройки и завтра-

кали, раздался сильный треск — главный купол собора обрушился, «раздавил всю внутреннюю кладку всех колонн и сводов и причинил кровельному железу истребление». К счастью, обошлось без человеческих жертв.

В падении купола был обвинен Суранов. Позднее чиновник К. И. Попов писал в своих воспоминаниях: «Бывший тогда помощником губернского архитектора Петров оспаривал заведывавшего постройкой губернского архитектора Суранова и говорил, что купол должен упасть, что тяжесть его стены не выдержат; но на это не было обращено внимания. После этого вскоре Петров заступил место Суранова». Обвинять в крушении купола Суранова несправедливо, ибо он за четыре года до случившегося умер от водянки (тогда собор был выстроен только наполовину). 20 февраля 1819 года вместо умершего Суранова губернским архитектором назначается его ученик Григорий Васильевич Петров.

Саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе, уже сообщивший в Петербург, что строительство собора почти окончено, был перепуган катастрофой, ему все же пришлось сообщить об этом в столицу. Одновременно запросили от управляющего Министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея разрешения на сооружение купола собора из дерева. Таковое было получено, и архитектор Петров составил новую смету. Спустя несколько лет строительство окончилось, 28 марта 1826 года Александро-Невский собор был освящен и открыт для богослужения.

Вместе с Г. В. Петровым Василий Иванович Суранов начинал строительство каменного Спасо-Преображенского мужского монастыря. Монастырь, существовавший более века на правой стороне Глебучева оврага, у Волги, 26 июня 1811 года сгорел дотла. Новые здания монастыря решено было строить далеко за городом, у леса, близ Московской дороги. Проект составлял Луиджи Руска, фасады келий были несколько переработаны петербуржцем Иосифом Шарлеманем 2-м. Внес поправки в проект и Суранов. Сооружение началось летом 1814 года, руководил им Суранов, но за какие-то просчеты в 1816 году был отстранен от дела. Из столицы прибыл каменных дел мастер Дезуве Берри, который и стал наблюдать за работой. В июне 1826 года строительство монастыря закончили.

Суранову пришлось заниматься ремонтом Троицкого собора. Присланные из Петербурга архитектор В. А. Фохт и архитектурский помощник И. Ф. Колодин дали заключение об устранении трещин и устройстве на западном глав-

ном фасаде пышного портика с колоннами и более скромных на боковых сторонах собора. Для города такой проект был дорогим. Саратовцы пригласили тамбовского архитектора Н. В. Урюпина. С Сурановым они осмотрели собор и нашли способ поправить стены, что и было сделано.

Закончив ремонт Троицкого собора, Суранов приступает к работе над проектом Гостиного двора. В 1815 году проектный чертеж был готов и отправлен на апробацию в Петербург. Оттуда затребовали изображение фасада со стороны Троицкого собора, а потом и генеральный план места постройки. Только летом 1817 года началось строительство Гостиного двора.

Двухэтажный Гостиный двор представлял собой торговые помещения, объединенные обходной наружной галереей с довольно массивными стенами и опорными столбами-пилонами. Со стороны собора здание имело портик с колоннами и треугольным фронтоном. Спустя век саратовские газеты писали: «Здание вышло прекрасное, вполне соответствующее своей цели, оно служит теперь украшением города», «...в этих двухъярусных галереях, уверенно очерченных полуциркулярных арках запечатлена целая эпоха»

Увы, это сурановское произведение не дошло до нас. В начале XX века старый Гостиный двор сломали и на его месте по проекту архитектора А. М. Салько выстроили дом общества купцов и мещан, отданный под управление Рязано-Уральской железной дороги.

Василию Ивановичу Суранову пришлось заниматься и делами будущей Саратовской гимназии. Весной 1815 года губернатор А. Д. Панчулидзе получил из Петербурга предписание открыть гимназию в Саратове. Начался сбор пожертвований на новое учебное заведение, поиск удобного помещения. Наиболее подходящим оказался предложенный Панчулидзевым собственный дом, который, правда, пострадал от пожара в 1814 году.

Для окончательного решения вопроса о покупке дома в Саратов приехал архитектор Казанского учебного округа Мари. Он и Суранов осмотрели предлагаемые под гимназию усадьбу и строения на ней и пришли к выводу, что дом Панчулидзева, «каменный, двухэтажный, с деревянным оштукатуренным мезонином, обращенным к Волге, оказался весьма удобен и приличен для гимназии по его обширности и красоте помещения, по сосредоточенности в городе и по близости к собору, создаемому усердием граждан».

В 1815—1816 годах Суранов и Мари составляют большое

*Здание присутственных
мест.*

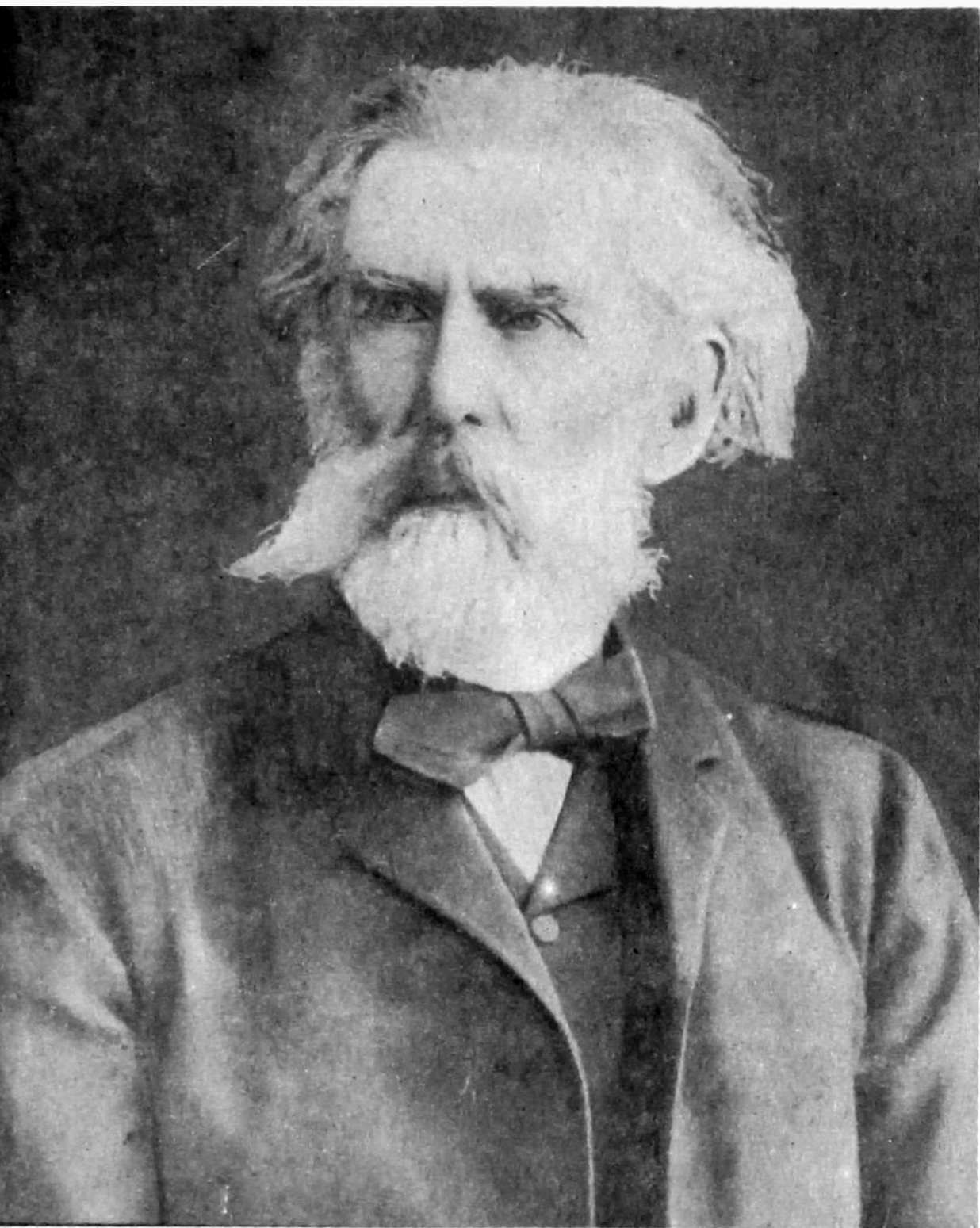
*Портрет А. А. Рылеевой.
1840 год.*

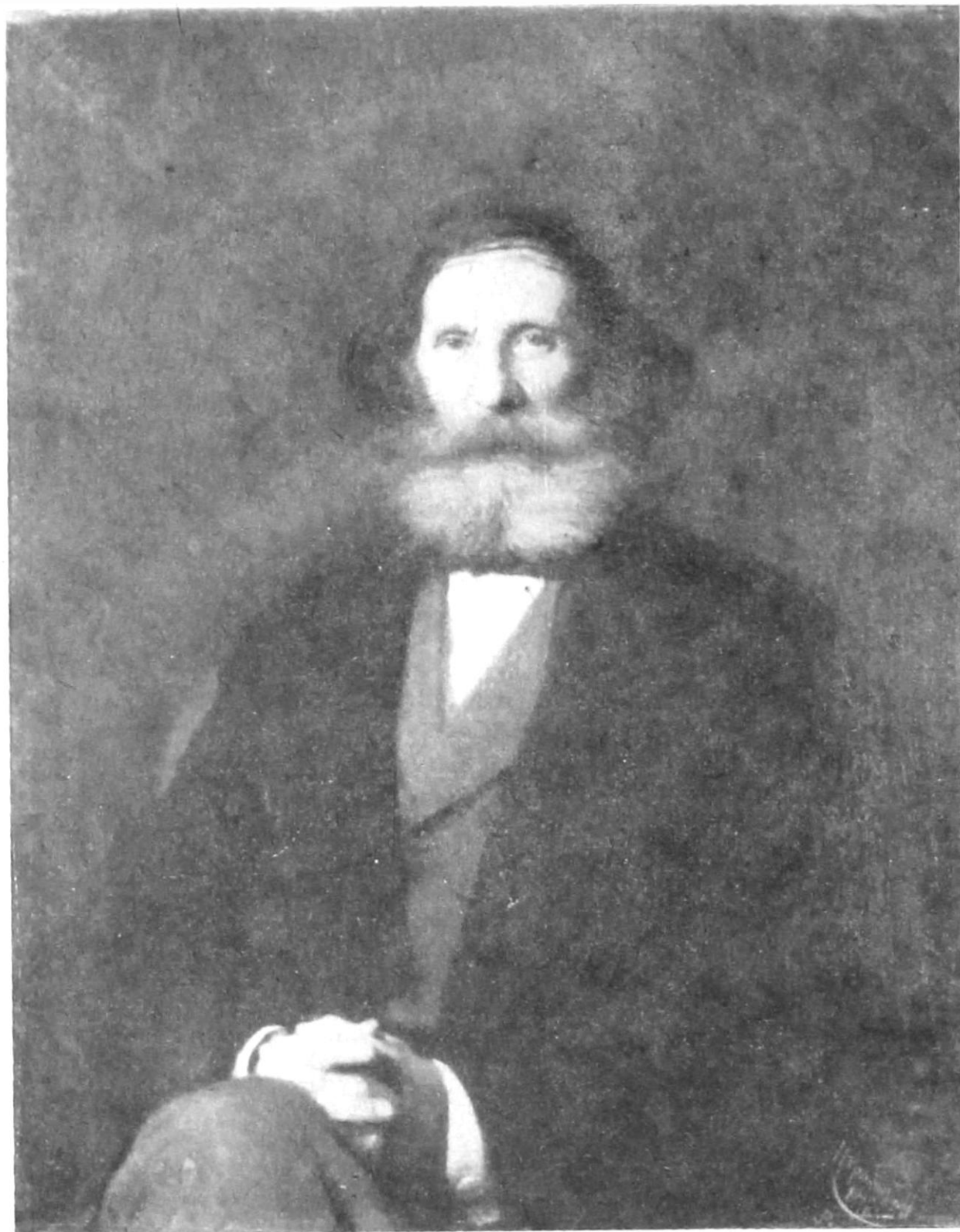
*Угол улиц Покровской
и Московской (ныне
Лермонтова и проспект
Ленина). Слева корпуса
и храм Николая Чудо-
творца Крестовоздви-
женского монастыря.
Начало XX века.*

*Монастырская Кресто-
воздвиженская церковь и
часовня.*

А. П. Боголюбов.

И. Н. Крамской. Портрет Николая Петровича Боголюбова. 1876 год. Из собрания Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева.

*Зал А. П. Боголюбова и Е. Ф. Шивр в Радищевском музее. 1900—1918 годы.
Ныне здесь располагается экспозиция голландского искусства XVII века.*

Ольга Борисовна и Петр Аркадьевич Столыпины. Фото из фондов Саратовского областного музея краеведения. Фоторепродукция Н. Кленова.

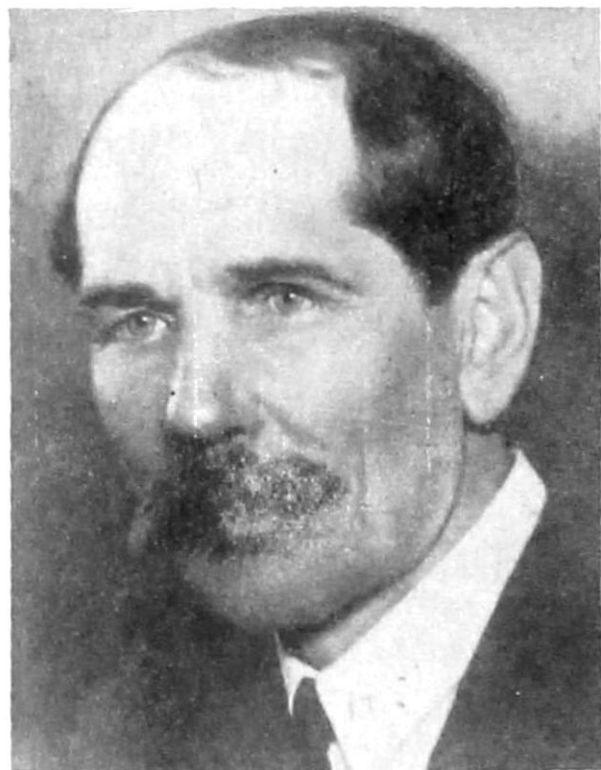
П. А. Столыпин среди земских деятелей в городе Камышине Саратовской губернии. 31 августа 1903 года. Фото из фондов Саратовского областного музея краеведения. Фоторепродукция Н. Кленова.

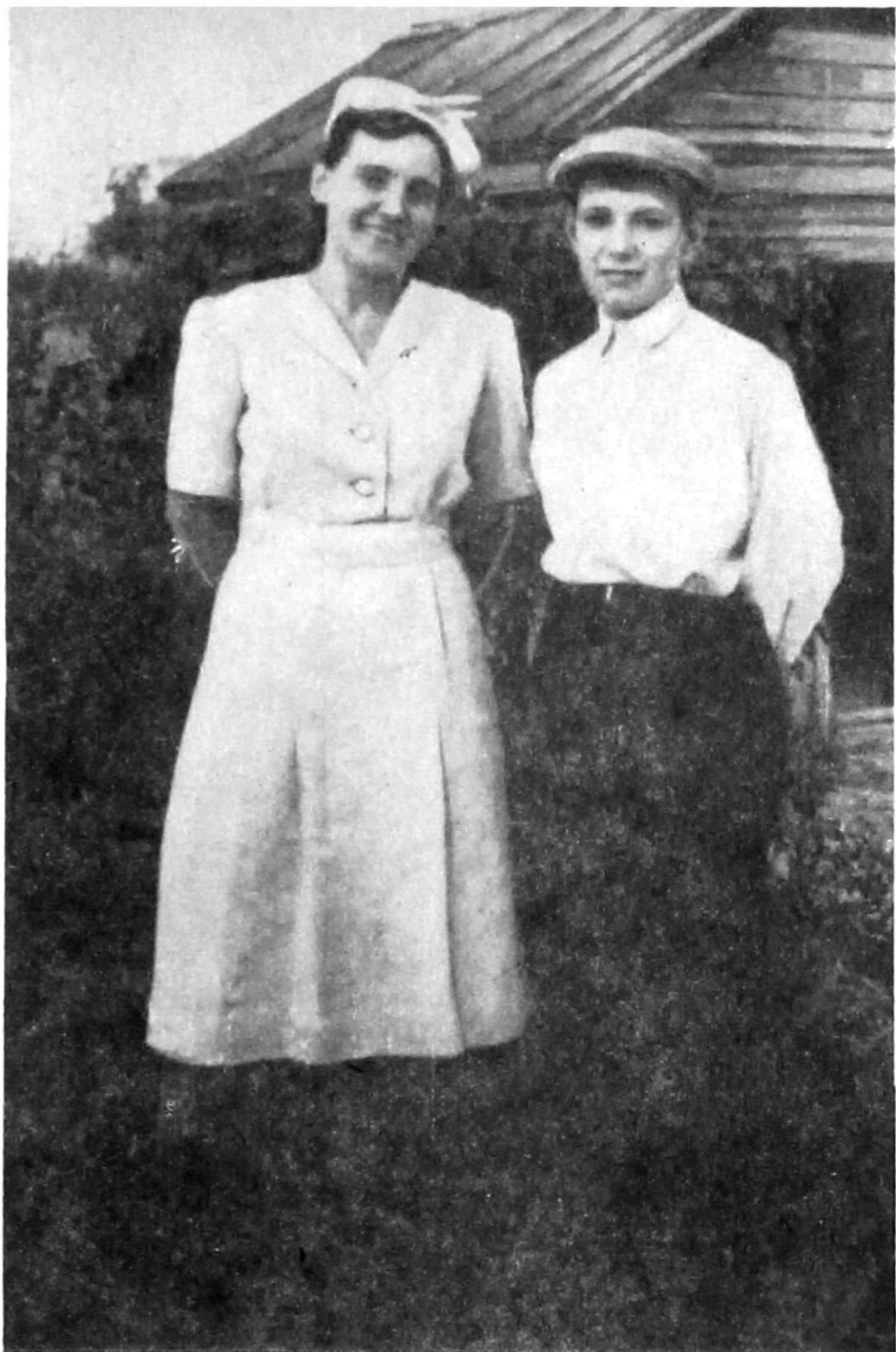
П. А. Столыпин. Саратов. 1904 год. Фото из фондов Саратовского областного музея краеведения. Фоторепродукция Н. Кленова.

В. С. Арефьев.

Г. П. Никифоров. Фото 20-х годов.

К. В. Полубинская с сыном Владленом. 1950 год.

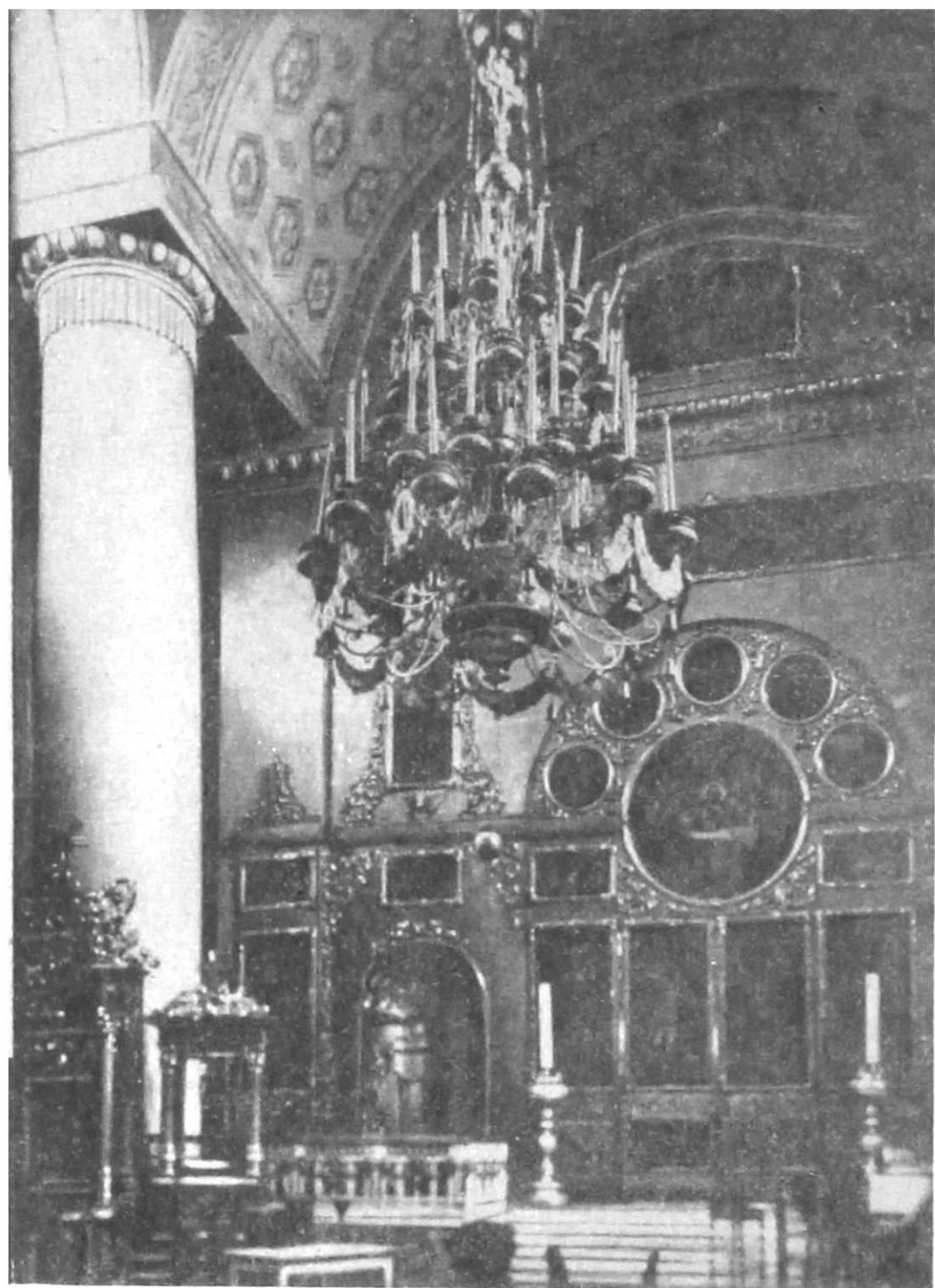
«Римский воин» из скульптурной группы «Надевание тернового венца». Из собрания Радищевского музея.

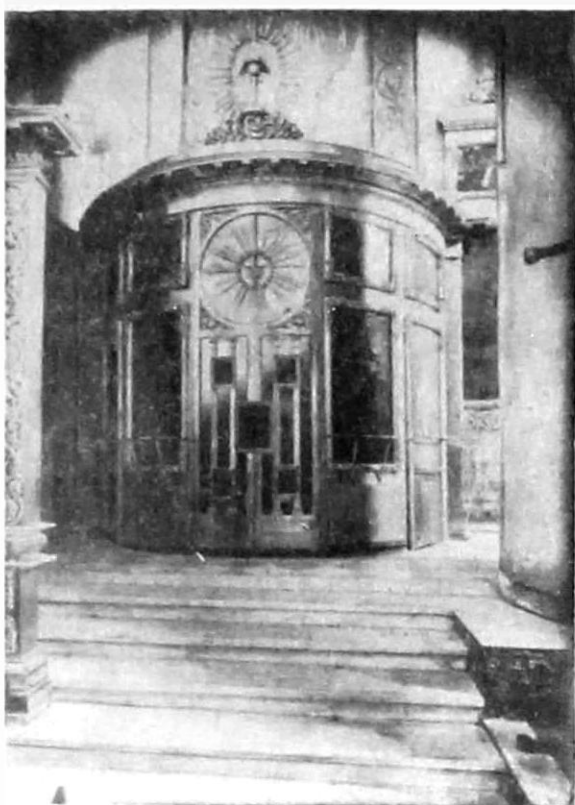

Деревянная скульптура «Сидящий Спаситель», обнаруженная в селе Дмитриевский Чардым. Из собрания Радищевского музея.

Александро-Невский кафедральный собор

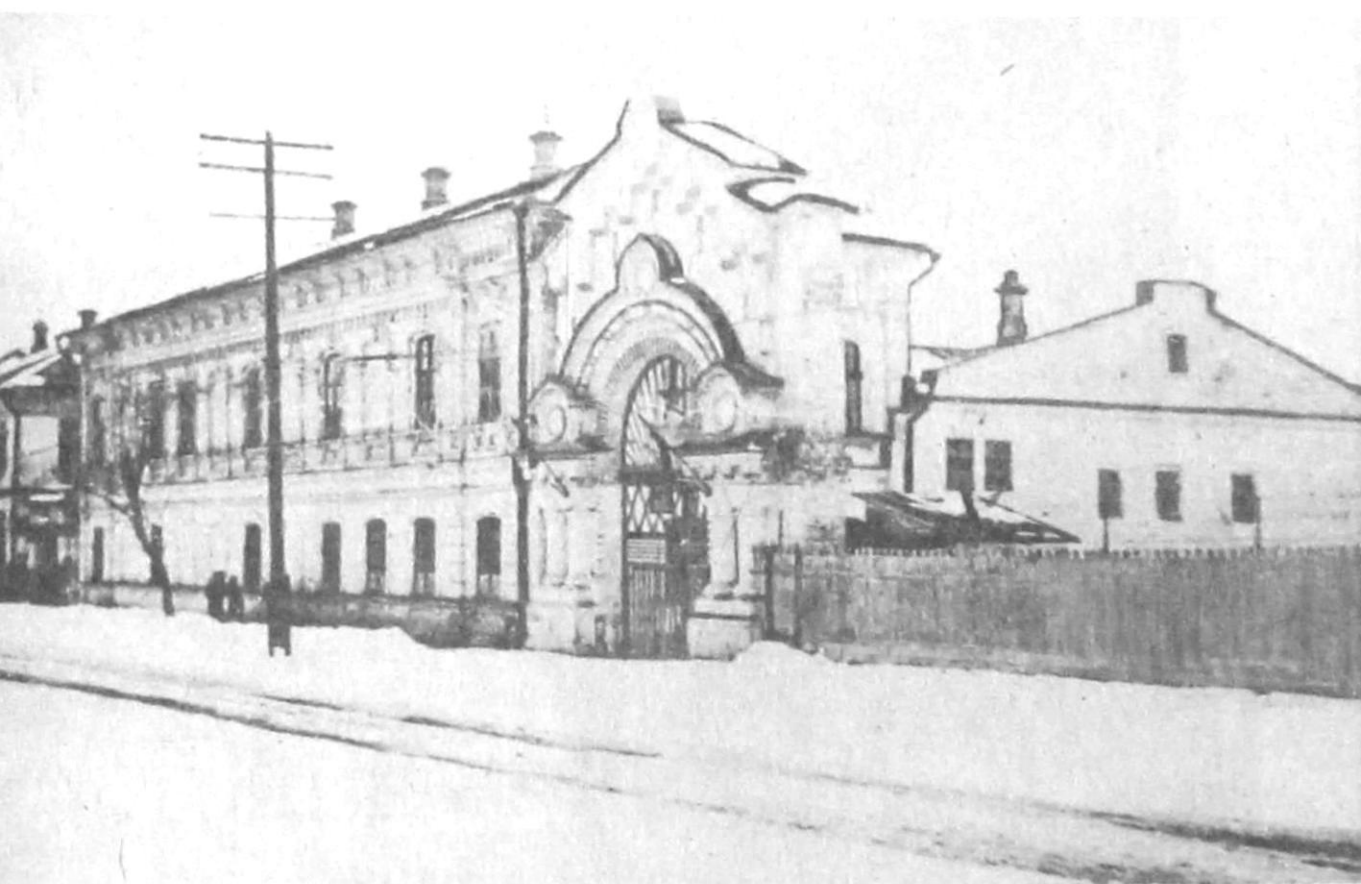
*Внутренний вид
Алекса́ндро-Нев-
ского собора.*

*Домовая церковь женского епархиального училища, позже в этом здании
располагался детский дом «Красный городок».*

Французский математик и механик
Жан Виктор Понселе.

Один из корпусов детского дома «Красный городок». Справа — мастерские.
1939 год.

Воспитанники «Красного городка» — шестиклассники на уроке физики. За первой партой справа — Виля Трифонов (будущий военный музыкант) и Федя Чурсаев (фронтовик, офицер-танкист). 1940 год.

Встреча бывших детдомовцев. Саратов. Набережная космонавтов. 1982 год.

*Даниил Блохин (в центре).
Румыния. 1917 год.*

Александра Блохина. 1930 год.

количество чертежей: фасадов главного дома, флигеля при нем, поэтажные планы... В июне 1817 года из Петербурга пришло разрешение на приобретение губернаторского дома для гимназии. Получив от города изрядную сумму, Панчулидзеv обязался восстановить здание. Ремонт обошелся губернатору в 40 тысяч рублей ассигнациями, почти в три раза больше положил он в свой карман.

Восстановительные работы пришлось вести Василию Ивановичу. Судьба распорядилась так, что ни новый собор, ни мужской монастырь, ни гимназию, открытие которой состоялось 30 августа 1820 года, Суранов не увидел.

Из частных строений в Саратове Суранов спроектировал особняк советника соляной конторы П. И. Иванова. После его смерти в 1823 году дом приобрел департамент горных и соляных дел для размещения казенной палаты. В 1884 году архитектор М. Н. Грудистов капитально перестроил этот особняк для Государственного банка (здание сохранилось на углу улиц Радищева и Советской).

В Ленинграде в Историческом архиве сохранились чертежи дома Иванова — с флигелями и службами. Известны два рисунка, на которых в перспективе улицы изображено это здание: первый выполнен братьями Веркмейстер в 50-х годах XIX века, второй сделан 30 мая 1867 года аткарским помещиком А. Н. Минхом и называется «Вид Никольской улицы в Саратове».

Планы фасадов и рисунки позволяют воссоздать образ сурановской постройки. Это трехэтажный усадебный дом, выходящий главным фасадом на тогдашнюю Консistorскую (Советскую) улицу. Центр фасада — полуротонда, покоящаяся на дорических колоннах первого этажа, стены первого этажа рустованы. Второй этаж полуротонды украшен балюстрадой. На третьем этаже тройное итальянское окно. Центр фасада с невысоким бельведером на крыше. Дворовый фасад скромнее. В его центре четырехколонный портик с фронтоном, поставленный на аркаду, с рустовкой первого этажа и графичным оформлением окон двух этажей. Гладь стен бокового фасада по Никольской улице (Радищева) оживляют пилястры, карниз-фронтончик центрального и сандрики на кронштейнах других окон.

По композиции дом Иванова напоминает дворец Елагина в Петербурге, построенный в 1780-х годах. На акварели из собрания Эрмитажа этот дом, отличавшийся «своею красотой и великолепием», показан со стороны Невы. Василий Иванович, работая в Царском Селе, мог общаться с Джа-

комо Кваренги, видеть его проектные разработки, в частности, задуманного Екатериной II дворца на мызе Ивановской. В фасаде дома Иванова есть «отголоски» проекта Кваренги.

Василий Иванович Суранов был незаурядным мастером. Хочется надеяться, что на единственном сохранившемся в Саратове творении зодчего будет установлена памятная доска с текстом: «Здание присутственных мест. Архитектор В. И. Суранов. 1807 год». И ниже: «Охраняется государством». Это нужно нам, это необходимо и нашим детям.

Валентина Гольяева,

научный сотрудник Саратовского
областного музея краеведения

ИЗ РОДА РЫЛЕЕВЫХ

Еще молодая женщина, с внимательными глазами на цветущем холемом лице с едва угадываемым выражением горечи в опущенных уголках губ. Такой предстает перед нами Анна Александровна Рылеева на портрете, хранящемся в Саратовском музее краеведения. На обороте надпись: «Портрет послушницы Саратовского Крестовоздвиженского девичьего монастыря Анны Рылеевой, наименованной в рясофори пострижения Сусанною, писанный 1840 года февраля 18 дня, имевшей тридцать пять лет от роду». Кто написал портрет? Кто сделал эту надпись и когда? Эти вопросы пока остаются без ответа.

Но не история портрета интересует нас сейчас, а судьба этой необыкновенной женщины, оставившей о себе добрую память в истории Саратова, женщины, о которой газета «Саратовский дневник» 24 сентября 1900 года писала: «Скромный памятник ее деятельности не даст изгладиться памяти о доброй и прекрасной, идеально благородной личности».

Анна Александровна Рылеева происходила из старой дворянской семьи, представители которой славно и честно служили Отечеству. Один из ее ближайших родственников — руководитель дворянского революционного движения, поэт К. Ф. Рылеев. Дядя и отец были участниками Отечественной войны 1812 года. Их портреты работы Дж. Доу были представлены в галерее Зимнего дворца — честь, которой удостоивались наиболее прославленные герои Отечественной войны 1812 года.

Отец был человеком примечательным. Военную службу он начал сержантом, закончил — генерал-майором. По некоторым данным, А. Н. Рылеев вел близкое знакомство с А. С. Пушкиным.

В 1836 году по высочайшему повелению А. Н. Рылеев был выслан из Петербурга в Саратов. В ссылку с отцом уехала и его старшая дочь.

Надпись на портрете и данные послужного списка генерал-майора А. Н. Рылеева позволяют точно установить год рождения А. А. Рылеевой — 1805-й.

В Саратове Рылеевы жили обособленно. Трудно по прошествии полутора веков восстановить не только мотивы, но и даты событий. Что произошло в семье генерала, в душе молодой женщины — неизвестно, но вскоре по прибытии в Саратов, в 1837 или 1838 году, Анна Рылеева поступает послушницей в Саратовский Крестовоздвиженский монастырь. Достоверный факт: А. А. Рылеева поступает в монастырь еще при жизни отца (а умер А. Н. Рылеев 28 мая 1840 года и похоронен в Саратове) и с его позволения. Но, отказавшись от блестящей светской жизни (видимо, этот отказ произошёл еще раньше — тогда, когда Анна Александровна приняла решение покинуть Петербург вместе с опальным отцом), она не отказалась от высоких гуманистических идеалов. Ее характер требовал подвижнической деятельности, воплощения этих идеалов. А. А. Рылеева создает первую в Саратове школу для девочек — при Саратовском Крестовоздвиженском монастыре.

Каким был этот монастырь ко времени поступления в него А. Рылеевой? По некоторым данным, он основан в 1661 году, когда крепость Саратов находилась еще на левом берегу Волги. Постоянных земельных владений тогда монастырь не имел. Жили монахини и послушницы своим трудом и на добровольные пожертвования. При монастыре было несколько мастерских, обслуживающих и монахинь и городских жителей. Послушания проходили и в златошвейной (мастерская по изготовлению церковного облачения), и в живописной мастерской, а также в мастерской по стеганью одеял.

Священники монастыря выполняли за пожертвования религиозные требы мирян в двух монастырских церквях: «во имя Воздвижения Честного Креста и Божьей матери Смоленской, каменной с колокольной, крытые железом, построенные в 1836 году, и особо построенная каменная церковь во имя Св. мученицы Параскевы без колокольной». Первая

из этих церквей существовала с основания монастыря, но была деревянной, поэтому в частые пожары Саратова она горела и отстраивалась несколько раз (последний раз была отстроена каменной). Вторая церковь, возможно уже каменная, была построена во второй половине XVIII века (позже была снесена, а на ее месте был построен в 1902 году храм Николая Чудотворца с одним из пределов св. Параскевы-Пятницы).

Свидетелем многих событий в истории Саратова и всей России был монастырь. Его видел с противоположного берега Волги Степан Разин, вступивший со своим войском в левобережную крепость Саратов 15 августа 1670 года. Видел его и Емельян Пугачев, в августе 1774 года овладевший Саратовом.

Женский монастырь имел в городе достаточно высокий статус, о чем говорит посещение его 22 июля 1722 года Петром I, который, направляясь в свой Персидский поход, останавливался в Саратове. Посетил его 28 июня 1837 года и наследник престола цесаревич Александр — будущий император Александр II.

1 ноября 1840 года «на известных консистории основаниях» было открыто училище для девочек «штатных монастырских служителей и для девочек городских жителей». Попечение об открытии и содержании в порядке училища было возложено на игуменью монастыря (тогда ее место временно замещала монахиня Архелая) и послушницу монастыря Анну Рылееву. Основные же заботы и хлопоты по устройству училища и его материальному содержанию взяла на себя А. А. Рылеева. Семейей Рылеевых многое было сделано для улучшения материального положения монастыря, в частности завещан капитал на монастырь и училище. Уже после смерти А. А. Рылеевой в докладе игуменьи монастыря значится билет Саратовского Приказа Общественного Призрения на завещанный Рылеевой капитал, «в вечные времена с капитала коего монастырю сему предоставлено пользоваться ежегодными процентами серебром в 1428 рублей 57 коп.».

Само по себе открытие школы для девочек «разного сословия» после принятого в 1828 году устава о введении в России сословного образования было событием достойным и примечательным. После разгрома декабризма, как писал А. И. Герцен, «умственная температура понизилась», наступили «трудные» времена в идейной жизни России. И в этой сложной ситуации в провинции открывается школа, где учи-

лись дочери саратовских мещан, государственных крестьян, вольноотпущенных, извозчиков, почтальонов, купцов, дворовых людей... Обучались они чтению, письму, молитвам, Часослову, Псалтири, «начаткам» иностранного языка (об этом чуть ниже), грамматике, арифметике.

В. Юрьев писал, что сама А. Рылеева обучала детей «по желанию родителей французскому языку». Действительно, на картине неизвестного русского художника 2-й четверти XIX века, где изображена А. Рылеева с тремя воспитанницами (ныне картина хранится в фондах Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева, а когда-то висела в одной из классных комнат училища), на столе, в числе изображенных учебников, ярко выделяется обложка книги «Французская азбука». Возможно, по желанию некоторых родителей (коллежского секретаря или титулярного советника) детей обучали и «начаткам французского языка». Однако в официальных документах это не зафиксировано, как и преподавание А. А. Рылеевой. Во всех документах она значится как попечительница этого училища. Что это — скромность?.. Действительно, по воспоминаниям В. Юрьева, А. А. Рылеева — «строгая исполнительница монашеской жизни, в повседневной жизни отличалась всегда и во всем воздержанностью, не позволяла каких бы то ни было излишеств, а тем паче роскоши, приветливая, ласковая с младшими, почтительно-вежливая со старшими, она всегда считала себя младше всех), и это она, почти единственная послушница из дворян, единственная из монахинь и послушниц 30—40-х гг. XIX в. дочь генерал-майора, знавшая прошлые блестящие времена в Петербурге». Нужно было обладать большой чуткостью, чтобы откликнуться на живую и настоящую общественную потребность в образовании, особенно потребность женского образования.

К этому времени в Саратове с населением около 50 тысяч человек были одна мужская гимназия и две церковно-приходские школы, два приходских училища и духовная семинария. Женское просвещение было полностью обойдено вниманием государства. О состоянии женского образования говорит тот факт, что уже в 1889 году соотношение грамотных и неграмотных женщин в Саратове было 1:200. Какое же было это соотношение в 1-й половине XIX века! Училище сначала располагалось в новом настоятельском корпусе, а затем, в связи с отсутствием помещений, его перевели в бывший настоятельский корпус, который был куплен у купца Тулякова и подарен монастырю А. Н. Рылевым, в

этом доме жила и сама А. А. Рылеева. Занятиям в училище были определены часы, по распоряжению саратовского епископа Иакова: «до обеда 8-й и 9-й, а после обеда 2-й и 3-й».

В собственноручной ведомости А. А. Рылеевой значится, что девочки принимались в училище начиная с февраля 1841 года и даже в середине 1842 года и «выбыли по окончании наук» в 1844 году. Таким образом, прием в училище осуществлялся не одновременно. Возраст воспитанниц был разный: от 6 до 15 лет. «Науки» изучались тоже не всеми одинаково. В ведомости, подписанной диаконом монастыря Н. А. Племянниковым, обучавшим чистописанию, грамматике и арифметике, значится: «Из Российской грамматики некоторые прошли всю, а некоторые до местоимения».

В 1841 году были приняты в училище 62 воспитанницы, закончили его в 1844 году только 13. В 1870—1890-е годы воспитанниц в училище было значительно больше — от 89 до 157 человек.

В начале XX века училище располагалось в первом этаже двухэтажного корпуса на улице Покровской (ныне Лермонтова). Училище существовало еще и в 1917 году, поскольку в документах значатся и воспитатели училища и его преподаватели.

А во времена А. А. Рылеевой здесь трудились во благо женского просвещения и священники монастырских церквей и послушницы монастыря. Для многих, вступивших в Крестовоздвиженский монастырь, одной из форм послушания было обучение и воспитание девочек монастырского училища. И хотя Саратов в начале XX века уже имел 6 женских государственных и частных гимназий, ряд женских начальных училищ, женские профессиональные школы, институт благородных девиц — начало женскому просвещению было положено А. А. Рылеевой и созданным ею училищем.

Надежда Гришина,

заведующая экспозиционным отделом
Государственного музея-усадьбы
Н. Г. Чернышевского

«ЗА НЕПРОЯВЛЕНИЕ РАСКАЯНИЯ»

«29 мая 1903 года в 11½ часов утра утонул в Хопре, купаясь, Михаил Федорович Лаговский на 47 году от рождения...» — так начинается биография М. Ф. Лаговского, на-

писанная неизвестным автором, хранящаяся в фонде Саратовской ученой архивной комиссии Государственного архива Саратовской области. Михаил Федорович Лаговский не был саратовцем по происхождению, но именно с Саратовом были связаны его последние и, на наш взгляд, самые спокойные и самые счастливые годы его жизни. Здесь он состоялся как поэт и увидел свои стихи напечатанными. А вся его предшествующая жизнь неотделима от революционного движения 1870—1880-х годов и деятельности партии «Народная воля», членом которой он являлся. Его судьба похожа на судьбу других народовольцев. Будучи на пять-шесть лет моложе корифеев партии — Веры Фигнер, Андрея Желябова, Льва Гартмана, он не совершил революционных поступков. Это чуть-чуть опоздавшее к «героическому периоду» русского народничества поколение, по выражению саратовского народника И. И. Майнова, было знаменито не тем, что оно совершило, а тем, что выстрадало. Родившиеся во второй половине 50-х годов XIX века, эти молодые люди формировались общественным брожением второй половины 1870-х годов, печатаемыми в газетах отчетами о судебных процессах над участниками «хождения в народ» и «револьверщиками». Им была дана способность ощущать чужое страдание как свое собственное, и их боль за народ была неподдельной. По формулировке биографа М. Ф. Лаговского, на него влияла «эпоха великих реформ» и присущий ей «дух свободного критицизма». «Я пою великие страдания поколения, проклятого богом», — писал о судьбах своих одногодков П. Ф. Якубович, и эта поэтическая строка подтверждалась трагическими биографиями саратовцев П. П. Поливанова, Д. Шиловцева, С. Бобохова и судьбой М. Ф. Лаговского.

Михаил Федорович Лаговский был выходцем из офицерской среды. Он закончил Оренбургскую военную гимназию, затем — Московское юнкерское училище. Служил под Кяхтой, в чине поручика вышел в отставку, вернулся в родное имение Барановка под Ярославлем. Денег на жизнь и на содержание большой семьи не хватает, и он поступает на службу помощником смотрителя Ярославского музея. Около 1881 года его мать с младшими детьми переезжает в Ярославль. Финансовое положение семьи становится столь жалким, что М. Ф. Лаговский вновь вынужден поступить на офицерскую службу. Год спустя он был арестован и после продолжительного следствия отправлен в Мариинск «за участие в политической организации».

«Тогда ему было 25 лет. С тех пор он не знал свободы.

Тысячи людей того напряженного политического момента испытали одинаковую с ним участь», — пишет биограф, общая, таким образом, судьбу целого поколения.

Сведения о М. Ф. Лаговском незначительны. В журнале «Каторга и ссылка» И. П. Белокопский упоминает Лаговского как ссыльного города Мариинска Томской губернии, бежавшего из ссылки и погибшего в Шлиссельбурге (Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 150).

Н. А. Троицкий в приложении к книге «Народная воля» перед царским судом» (Саратов, 1983) под номером 353 дает справку о Лаговском: он проходил по политическому процессу в Мариинском окружном суде в 1884 году и был приговорен к двум годам тюремного заключения в Мариинске.

В 1963 году в журнале «Русская литература» была опубликована статья Л. Никитиной о М. Ф. Лаговском как о поэте революционного народничества, написанная по материалам следствия по делу Лаговского, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве.

Саратовская биография конкретизирует, уточняет, мотивирует многие положения статьи Л. Никитиной. Она дает факты, по-видимому рассказанные самим Михаилом Федоровичем, а потому поражает почти визуальной конкретностью эпизодов. Так, подробно дается эпизод, объясняющий причины побега из Мариинска, практически отсутствующий у Л. Никитиной. Когда в Мариинск была прислана новая партия ссыльных, Михаил Федорович подошел поговорить с ними. Конвойный не позволил разговаривать и замахнулся на него прикладом. Лаговский ударил конвойного палкой. Это столкновение грозило Лаговскому серьезными неприятностями.

Биограф Лаговского продолжает: «Покойный и до этого писал в своих письмах, что его добрая сила напрасно гибнет в изгнании, когда в России так много дела, и считал непростительной слабостью терять даром время и силы. Этот же новый срок, который привязал его к Сибири на еще более продолжительное время, окончательно привел его к убеждению в необходимости бежать. Он так и сделал».

Лаговский инсценировал гибель в реке: он оставил одежду на берегу, которую потом нашли другие ссыльные, и бежал под видом отставного солдата. В конце 1883 года он добрался до Петербурга. Там восстановил прежние связи с единомышленниками, вошел в «Народную волю», готовился к долгожданной политической борьбе. В это время было

СОДЕРЖАНИЕ

I

К. Хаплин. Рудознатец Сребраков	6
Е. Максимов. «Где циркуль зодчего, палитра и резец...»	26
В. Гольяева. Из рода Рылеевых	34
Н. Гришина. «За не проявление раскаяния»	38
Г. Колосарский Первый скульптор	45
И. Жукова. «Чтобы начатое дело не заглохло...»	50
С. Катков. Кресло № 5 (Штрихи к портрету П. А. Столыпина)	60
В. Захаров. Некролог в «Искре»	68
В. Миронов. «Неистовый Бóгдан»	72
С. Гутин-Левин. Рыгорист из пригородной слободки	84
С. Руднев. Мать и сын, или Музыка математических открытий	92

II

Ю. Пырсов. Четыре слова на монете	106
Н. Гаврилова. Культовая резьба саратовского края	113
А. Майорова. «На месте противу Соборной площади»	121
Г. Мишин. Воздвигнут во славу...	128
В. Захаров. Исследователи народных движений (Историко-краеведческая деятельность Н. И. Костомарова и Д. Л. Мордовцева)	131
Г. Самосюк. «Беспокойный, пытливый гений...» (М. Е. Салтыков-Щедрин и губернская газета «Саратовский дневник»)	143
В. Тотфалушин. Французы в Саратове (К истории войны 1812 года)	157
В. Абрамов. «Меня здесь полюбили» (Из биографии оперного певца К. П. Ольхина)	164
Е. Савельева. «Синяя птица» 1918 года	173
Е. Водонос. «...На краю саратовского света» (Страницы жизни и творчества В. А. Никольского)	184
В. Валеев. Дом родной — «Красный городок»	203
Д. Баринев. «С душой поэта и судьбой солдата»	210

III

Н. Курышева. Листая отцовский дневник	222
Примечания	234

Научно-популярное издание

Коллектив авторов

ГОДЫ И ЛЮДИ

Выпуск шестой

Редактор С. В. Катков
Художник П. И. Карчевский
Художественный редактор В. К. Иванов
Технический редактор Л. А. Долгова
Корректор Е. В. Феклистова

ИБ № 10

Сдано в набор 02.04.90. Подписано в печать 24.10.91. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,95+0,93 вклейка. Усл. кр.-отт. 16,74. Уч.-изд. л. 14,39. +0,92. вклейка. Тираж 5000. Заказ 336. Цена 5 р. 30 к.

Приволжское издательство «Детская книга»,
410071, Саратов, пл. Революции, 15.
МП «Полиграфист», 410730, Саратов,
пр. Кирова, 27.

5 р.30к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1992

